

НИНА МОЛЕВА

ПСКОВ
ВЕЛИКИЙ

ББК
УДК
ISBN

НИНА МОЛЕВА

ПСКОВ ВЕЛИКИЙ

Псковский государственный объединенный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Новая реальность»
Москва, 2013

Ко дню 1110-летия Пскова

Графика Э. М. Белютина
из собрания Псковского государственного объединенного
историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

«НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
Москва, 2013

Штрих-код

«Не терпя обидим быти...»

Псковский летописец, о псковском князе

Довмонте

(1266-1299)

Кому сегодня незнаком образ Московского Кремля? Но есть и другой вопрос: многие ли знают кому обязан человек III тысячелетия созданием этого образа? Понятие «великий» стало принятым применять к архитекторам – Зодчим, но никак не к строителям, а ведь они были великими – строители прошлого, особенно Средних веков, когда ремесленническое мастерство, инженерный расчет сливались воедино с образом постройки. Строитель знал, как на века возвести свое сооружение, но и вписывал его в свое время, среду, назначение. И сегодня, глядя из Замоскворечья на разворот кремлевских стен, точный расчет размещения башен, суровое достоинство Соборной площади в могучем охвате белокаменных соборов, как же не назвать тех, кто создал это единое решение, единый образ – Москвы, России. Фрязины – итальянцы из Северной Италии (недаром столько мест Подмосковья сохранило их имя) и Псковичи. Великие мастера Средневековья. Как навсегда остался для русских солдат всех времен клич псковского князя Довмонта: «Братья мужи Псковичи! Потягнете за Святую Троицу и за святые церкви, и за свое Отечество!»

Плотный конверт с пачкой мелко исписанных листков лежал в самой глубине ящика письменного стола: «Псков. 1961-1969». Это значит, за тридцать лет, прошедших с выхода в «Советской России» моих книг «Псков. Архитектурные очерки», «Снеготорский монастырь», «Поганкины палаты». До него просто не доходили руки. Зато теперь псковских вопросов успело накопиться множество.

Александр Креницын, современник и знакомец А.С. Пушкина, одним росчерком императорского пера вычеркнутый из числа русских литераторов. Высочайшая резолюция отличалась предельной краткостью: «Литератором не считать». Несмотря на достаточную известность в пушкинские годы. На публиковавшиеся стихи, на близкую дружбу с Е. Баратынским. Главными оказались строки на смерть Пушкина: «Рабы! Его святую тень не возмущайте укоризной. Он вам готовил светлый день – он жил свободой и отчизной». Какое значение имели некие семейные интриги, любовные осложнения: счет шел на историю народа и государства. А в этом никакого снисхождения быть не могло, будь то Чаадаев, Радищев, Рылеев или Креницын. При жизни не печатать, посмертно ни в какие энциклопедические словари и литературные справочники не включать. И в какой же фронт вытянулись все издатели и литературоведы, что приказ незыблемо исполнялся вплоть до брежневских «успокоенных» лет! Впрочем, товарищи по перу тоже не спешили на помощь. Как и в случае с куда более близким по времени «хрущевским манежем», когда только через 50 лет выпущенная книга с репродукциями экспонированных в то далекое время и тогда же почти полностью ФИЗИЧЕСКИ уничтоженных ра-

бот заставила ахнуть даже самых преданных (любим властям и любой так называемой идеологии): наглядных подтверждений разухабистых обвинений никогда не существовало. И никаких чудес: генсеку подготовили одну «рыбу» – посыл его личного возмущения, а в те же часы развесили совсем иные работы. На стыковку реальности и штампованных обвинений не хватило времени. Развеска шла с 10 вечера до 6 часов утра – генсек приехал точно в 10 утра.

Необыкновенного псковича, от которого, само собой разумеется, в перспективе начальственного недовольства отшатнулись и невеста и вся многочисленная родня, надо было хотя бы обнаружить, попытаться вписать в ткань его родной местности. А рядом была тема первого «персональных дел мастера» Петра I – Ивана Никитина. Никто не объяснил, да и не пытался этого сделать, перелом в творчестве живописца: от вершин современной русской живописи, чуть ли не затрагивающей начала импрессионизма до рухнувшего в неграмотное неумение базарного лубка. У мастера может ослабеть с годами рука, потеряться острота восприятия цвета, но изменить принципам своего метода, азам профессиональной грамотности он не сможет никогда. И как некое наказание свыше процесс в Тайной Канцелярии, ссылка в Тобольск, смерть в дороге. В этой трагедии замешаны два громких имени петровских лет – духовник Петра I Федос и считающийся чуть ли не русским просветителем Феофан Прокопович. Они оба связаны с Псковом. Служили здесь. Совершали парадные богослужения в Троицком соборе. Федос закончил свою жизнь, замураванный в каменной келье. Феофан Прокопович остался угоден новым властителям вплоть до Анны Иоанновны.

Даже с Поганкиными палатами следовало разобраться. Богатством псковичей Москву было не удивить. Гости с реки Великой торговали в Торговых рядах, что у московского Зарядья. Недаром на Варварке по сей день сохраняет свое название Псковская горка, увенчанная церковью Максима Исповедника, от которого крутой переулочек, как горный ручей, спадает в Зарядье.

И улыбка истории. По другую сторону переулочка стоит хорошее конструктивистское здание, некогда принадлежавшая Наркомату торговли, в котором огромное окно наркома кабинета А.И. Микояна обращено как раз на Псковскую горку. Мало того. Руководитель занимающего ныне наркоматовское здание торгового холдинга бережно сохраняет всю строгую и добротную обстановку микояновских лет. Как реликвию.

В Москве соблюдался твердый порядок: каждый из присоединявшегося к Московскому государству городов получал землю для поселения своих выходцев. Хорошее место отвели псковским гостям на старейшей улице посада – Варварке. Не менее достойное получили они и на Большой Царицыной улице, нынешней Большой Никитской, прямо напротив Консерватории, на бывшей улице Станкевича, где и построили по своему вкусу церковь Старого Вознесения. В ней молились, держали образа местных псковских святителей, а иным разом в церковном подклете и свое имущество.

Так как же не вспомнить чем и как убирал свои палаты Поганкин, а вместе с ним и остальные состоятельные псковичи. Как спали, скажем, на оранжевых простынях, но непременно красных подушках, развешивали в парадных горницах маленькие в свинцовых оправках, зеркальца и «печатные картинки» –

гравюры, которыми в Москве, на мосту у Спасских ворот, бок о бок с Варваркой шел такой бойкий торг. Были псковичи мастерами в торговом деле, тем более строительном, не давали маху и на государственной службе.

Например, во времена Ивана Грозного дьяк Григорий Федоров Второй большой был мастер по «прикупке» земель, постепенно подбираясь все ближе и ближе к Москве. Не прочитался – «прикупил» и, казалось бы, вовсе ненужную «государеву проезжую землю» – Сколково, которую «обустраивает» большой деревянной церковью, а значит, становится владельцем подмосковного села. Перед кончиной в последних годах XVI века у него уже есть и деньги, и положение, чтобы внести вклад на вечное поминовение родителей в кремлевский Успенский собор, – целых 30 золотых «рублев».

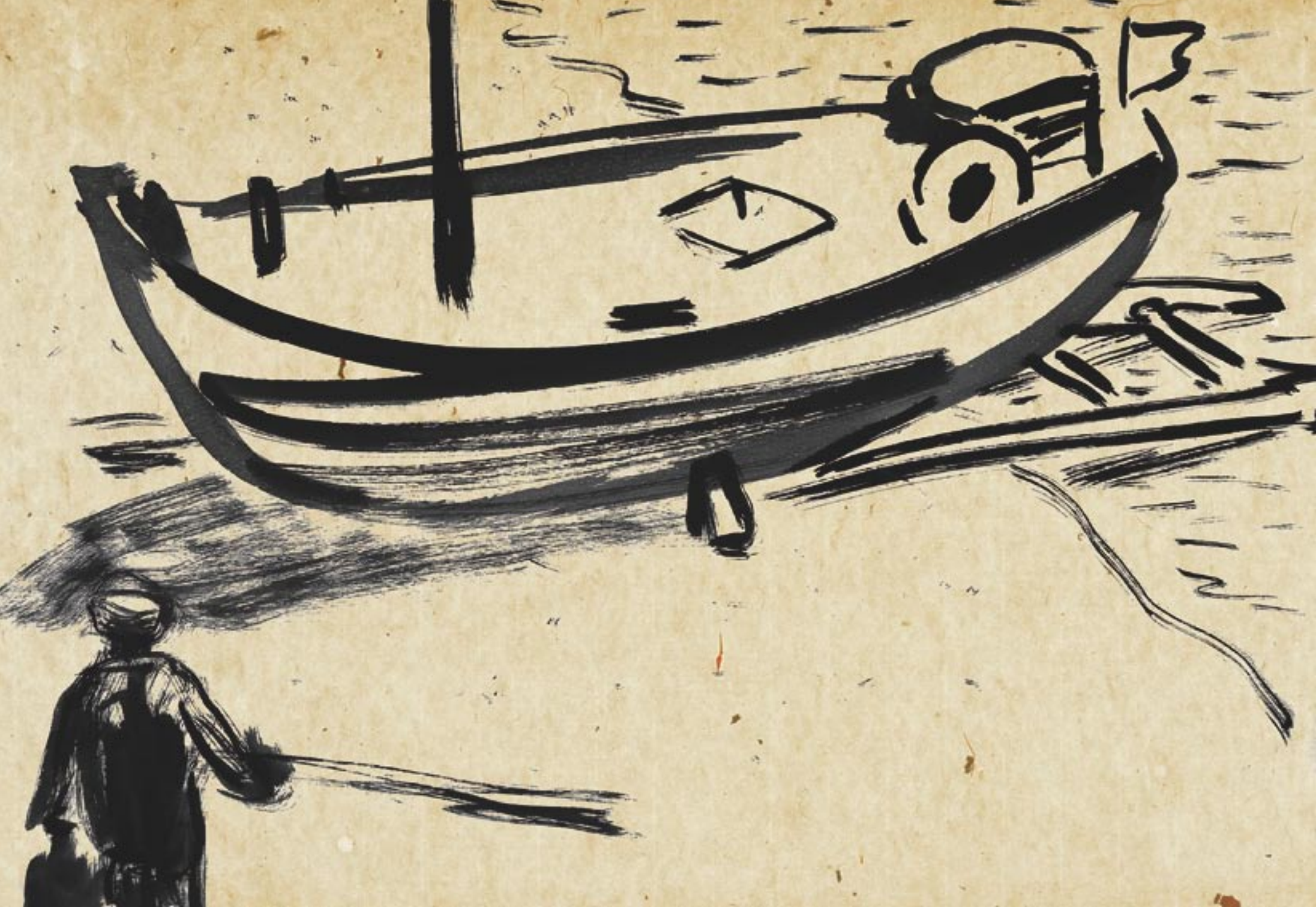
В середине 1980-х годов Виктор Петрович Астафьев скажет по поводу главной в «хрущевском манеже» картины кисти создателя и руководителя художественного направления «Новая реальность» Элия Михайловича Белютина «Не рыдай надо мной, мама. Россия. 1962 год» (название им же и придуманное): меня чувство, что сидит она, наша русская родительница – печальница, опершись спиной на Труворов крест. Там такая Русь не то что древняя – изначальная, что горло перехватывает». Что ж, писатель-«деревенщик» и впрямь разгадал ощущения живописца. Да и были они оба русскими фронтовиками, добровольцами, ушедшими в войну «недоросшими» – до повесток и военкоматов. Просто позвала земля.

ПСКОВЩИНА

Даль. Необъятная даль. Неба. Чуть подернутого и в лучах солнца сероватой жемчужной дымкой. Лугов. Голубых рек и озер. Сливающейся с горизонтом кромки лесов. Трель жаворонка. Могучий полет огромных чаек. Не морских – речных. Без суматохи, перекрикиваний Неслышное скольжение широко распахнутых крыльев.

Курган. Единственный в округе. Затянутый мелколесьем кустарника и деревьев. В заплатах вывернутой местами черной земли. И крест. Огромный. Серого камня. С россыпью пронзительно-синих, как бисер, цветов у подножья. Крест Трувора... Древняя Русь.

Написанному слову надо верить. Вернее – можно верить. А можно и не верить. Сомневаться. Домысливать. Выдвигать собственные предположения. С Крестом Трувора труднее: слишком точный и суровый образ, слившийся с местной землей. Словно рожденный ею. Ботаники говорят, сегодня на земле таких синих бисерных цветочков нет. Остается думать, их подняли из глубины веков, когда собрались обследовать крест. Передумали. Остался квадрат очень черной земли. Без травы. Без зелени. Плотно затянувшийся лазурной россыпью. Они помнятся как имя Трувора. Как полет чаек над лугами. Как тишина. Краина города, который сегодня называют Старый Изборск. Один из древнейших русских городов вместе со Смолен-

ском и Полоцком. Это их упоминает летописец. По одному из преданий, основал его Словен, сын Гостомысла, и назвал «по себе» Словенском. Вот только нет объяснений, почему вдруг Словенск превратился в Изборск – в честь Избора, сына Словена. В 862 году его князем ненадолго стал Трувор. Из далеких потомков ему отдала должные почести только Екатерина II, откликнувшаяся на то, что назывался всегда курган с крестом могилкой Трувора. Распорядилась выбить памятную медаль с надписью: «До днесь памятен» и надписью внизу: «Трувор скончался в Изборске, 864 г.».

Судьба оказалась и в самом деле неблагоприятной к Изборску. До Трувора, как можно предположить, относился он к Полоцку, позже некоторое время управлялся наместником, а затем, при княгине Ольге, стал пригородом Пскова и на триста с лишним лет пропал из русской истории: никаких упоминаний в летописях, хозяйственных документах. Зато последующие три столетия Изборск оказывается на передовой линии противостояния ливонским рыцарям. Но никто не назовет его городом-героем – просто в 1510 году вместе с Новгородом и Псковом присоединят к Москве, и дальше наступит полоса настоящего забвения. В 1708 году его припишут к Ингерманландской губернии, в 1710-м – к Петербургской. В 1719-м станет он уездным городом Псковской провинции, а в годы той же Екатерины Великой и вовсе заштатным уездным городом Псковской губернии. Средств на поддержание его старины даже у просвещенной императрицы не найдется. Да и зачем? Для царствующего дома значение имела только династия Рюриковичей как связанная, хотя бы косвенно, с династией Романовых.

Каждая перемена в эшелоне власти – в любой стране и в любые годы – ознаменовывается прежде всего атакой на прошлое, острой безотлагательной потребностью если и не переписать полностью, то уж во всяком случае существенно скорректировать историю. Если богиня правосудия Фемида изображается с повязкой на глазах и весами в руках как символ объективности своих приговоров, музу Истории следовало бы представлять с теми же весами, но без повязки: ей-то как раз вменяется в обязанность увидеть и учесть каждое пожелание очередных власть держащих. Пожелание, которое всегда сводится к попытке оправдать собственные действия. Чаще всего – вопреки фактам и здравому смыслу.

«Проклятое самодержавие» – «благословенное самодержавие», «подвижники политические – каторжане царской России» – «святые мученики-эмигранты» всех волн – эти бесконечные качели взлетают на наших глазах и в недавнем XX веке, и в нашем столетии. Раскачиваемые слишком часто одними и теми же услужливыми руками. Дело не в научных знаниях – их становится, несмотря на обилие интернет-информации, все меньше. Даже не в профессиональной ответственности – ее понятие находится на грани полного исчезновения, но во внутреннем посыле тех, кто обращается к истории: к высоким заработкам, шоу-популярности и главное – благосклонности сильных мира сего. Весь вопрос в том, чтобы внутренне включить бывшую науку – Историю в сфере услуг, развлечений, всяческого «пóпа». В конце концов, что особенного? Ничего. Кроме планомерного разрушения собственной культуры. Потому что история – наука о человеке, его внутренней жизни, о формиро-

вании того нравственного стержня, который один и является сутью нации, ее исторических возможностей, всего того, что мы называем ментальностью и что формирует национальную идею, ставшую такой неуловимой в нынешние дни.

Как ни одна другая гуманитарная наука, история требует точности и выверенности фактов, объективности в их изложении и их первичности. Достоверность и документированность каждого обстоятельства, имени, факта вместо месива где-то прочтенных, кем-то сообщенных или специально препарированных сведений в угоду сиюминутной политической ситуации. Без работы над первоисточниками, архивными документами нет и не может быть исследователя, а значит, и ученого. Без личного осмысления каждого раскрытого историком факта и обстоятельств – гражданина. Такой школой гражданственности, самосознания, всеохватности человеческих чувств и ответственности становления истории Псковщины, у истоков которой стоит первая псковитянка – княгиня Ольга.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Так стали называть составленный в Киеве летописный свод, охватывающий события до первого десятилетия XII века. Когда в 1039 году в Киеве была учреждена греческая митрополия, одновременно началось составление по византийским образцам древнейшего Киевского летописного свода. В его основу легли письменные источники – болгарский летописный свод, сказания о княгине Ольге, о варягах-мучениках, о князе Владимире, о Борисе и Глебе. К ним прибавились устные предания в виде былин, песен, прозаических рассказов и исторические воспоминания о недавних временах. Современный свод Древнейший свод довел до 1039 года, но он не положил начала постоянному летописанию. Только с окончанием в 1050 году строительства храма новгородской Софии князь Владимир Ярославич и епископ новгородский Лука приняли решение о создании Древнего Новгородского свода, который был окончен в 1073 году под главным редакторством монаха киевского Печерского монастыря Никона Великого и получил окончательное название Первого Киевопечерского свода.

Около 1095 года под редакцией игумена Иоанна был составлен Второй Киевопечерский свод, который и стал первым общерусским сводом. Именно он лег в основание «Повести временных лет». Но нельзя не отметить, что этот текст за первое десятилетие XII века прошел три принципиальные редакции.

Первая осуществлена в Печерском монастыре Нестором в 1112 году. Из текста было изъято обличение князя Святополка, который своей неудачной политикой вызвал половецкие нашествия, но главное совершил потрясшее всю русскую землю злодеяние – ослепил князя Василька Ростиславича.

Вторая была определена Владимиром Мономахом, преемником Святополка. Ее по поручению князя провел настоятель Выдубицкого монастыря Сильвестр. В результате фигура Святополка была отодвинута на второй план, а первый заняли дела Мономаха. Третью редакцию предпринял по собственной воле Киевский Печерский монастырь, чтобы вернуть утраченное духовно-политическое значение. Редактором на этот раз стал постриженник монастыря, духовник князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха. И снова были подчеркнуты деяния Мономаха. Во всех случаях речь шла об определенных публицистических задачах, касавшихся текущего времени. И вот каким предстает перед нами начало нашей истории.

Здесь только необходимо оговорить особенности приво-димого авторами летоисчисления. Оно ведется от сотворения мира, которое, по византийскому расчету, определялось в 5508 лет до начала нашей эры и в 5500 – по александрийскому расчету. В «Повести временных лет» принят византийский вариант. Следовательно, чтобы перевести летописную дату на современное летоисчисление, нужно вычесть из этой даты – 5508, разность укажет год нашей эры.

И еще одно уточнение. До крещения Руси годы можно считать сентябрьскими, т.е. с началом 1 сентября. После крещения, когда появилась русская письменность, годы могут быть

мартовскими. То есть они начинаются около 1 марта, иногда предваряя, а чаще следуя за этим числом.

Итак, первые тексты, отвечающие на вопросы, что надо понимать под словами «Русь» и «русские» и в чем в действительности был смысл появления на нашей земле варягов.

[Хронология от Адама

до смерти князя Святополка Изяславича]

В лето 6360, индикта пятнадцатого, когда начал царствовать [византийский император] Михаил, стала называться Русская земля. Узнали об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как написано в Греческом летописце. Потому-то отсюда начнем и поставим числа (годы).

От Адама до потопа 2242 года

От потопа до Авраама 1082 года

От Авраама до исхода Моисеева 430 лет

От исхода Моисеева до Давида [царя] 601 год

От Давида и начала царствования Соломона до плена Иерусалимского 448 лет

От плена до Александра [Македонского] 318 лет

От Александра до рождества Христова 333 года

От рождества Христова до Константина 318 лет

От Константина до Михаила [царя] этого 542 года

От первого года Михаила до первого года Олега князя Русского 29 лет

От первого года Олега, после того как он сел в Киеве, до первого года Игоря 31 год

От первого года Игоря до первого года Святослава

33 года От первого года Святослава до первого года Ярополка
28 лет

Ярополк княжил 8 лет

Владимир княжил 37 лет

Ярослав княжил 40 лет

Таким образом:

от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет

от смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лет

Но мы вернемся к прежнему и скажем, что произошло
в эти годы, начиная с первого года Михаила, и по порядку пос-
тавим числа (годы).

В лето 6361

В лето 6362

В лето 6363

В лето 6364

В лето 6365

В лето 6366. Царь Михаил двинулся с воинами берегом и
морем на Болгар. Болгары, узнав об этом, не могли противосто-
ять ему; просили крестить их и покорились Грекам. Царь крес-
тил их князя и бояр всех и учинил мир с Болгарами.

В лето 6367. Брали дань Варяги, приходили из-за моря,
на Чуди, на Словенах, на Мере, на Веси и на Кривичах; а Коза-
ры брали дань на Полянах, на Севере и на Вятичах: брали по
«белой веверице» с дыма.

В лето 6368

В лето 6369

[Призвание Варяжских князей]

В лето 6370. Изгнали Варягов за море и не стали давать
им дани и начали сами собою владеть. И не было среди них
правды, и восстал род на род, и были среди них усобицы, и нача-
ли сами воевать друг против друга.

И порешили сами между собою: «Поищем себе князя, ко-
торый бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к Ва-
рягам – к Руси (назывались эти Варяги Русью, как другие зо-
вутся Свееми (Шведами), третьи – Норманнами и Англами,
иные – Готами, так и эти).

Сказали Руси Судь, Словене, Кривичи и Веси: «Земля
наша обширна и богата, а порядка в ней нет, приходите княжить
и владеть нами». Избрались (вызвались пойти) три брата с ро-
дами своими, взяли с собою всю Русь и пришли

[I вариант]

к Словенам и вел старший, Рюрик, в Новгороде, второй,
Синеус, – на Белоозере, а третий Трувор, – в Изборске. И от тех
варягов прозвался Новгород Русской землей; эти люди Новго-
родские – от рода Варяжского, а прежде были Словенами.

Спустя два года умер Синеус и брат его Трувор, и пере-
нял всю власть Рюрик один и раздавал мужам своим города:

[II вариант]

Сначала к Словенам, срубили город Ладогу, и сел стар-
ший, Рюрик, в Ладоге, а второй Синеус, – на Белоозере, а тре-
тий, Трувор, – в Изборске. И от тех Варягов получила название
Русская земля.

Спустя два года умер Синеус и брат его Трувор, и перенял всю власть Рюрик один.

Он пришел к Ильменю, срубил город над Волховом и назвал его Новгородом, сел тут, стал княжить, раздавать мужам своим волости и города рубить: одному – Полоцк, другому – Ростов, третьему – Белоозеро.

По тем городам пришельцы – Варяги, а первые насельники – в Новгороде – Словене, а в Полоцке – Кривичи, в Ростове – Меря; на Белоозере – Вель, в Муроме – Муромы: всеми ими владел Рюрик. В лето 6387. Умер Рюрик, передав княжение Олегу из своего рода, поручив ему своего сына Игоря: был тот очень мал...

[Олег убивает Аскольда и Диру и овладевает Киевом]

В лето 6390. Пошел Олег, взяв многих воинов: Варягов, Чудь, Словен, Мерю, Вель, Кривичей и пришел к Смоленску, захватил город и посадил мужей своих. Оттуда пошел вниз [по Днепру] захватил Любеч и посадил своих мужей. Пришли к городам Киевским, и увидел Олег, что Аскольд и Диру княжат, спрятав воинов в лодках, а других позади оставил, а сам пришел, неся маленького Игоря. И приплыл под Угорское, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру говоря: «Мы – купцы, идем к Грекам от Олега и княжича Игоря, придите к нам, родичам своим». Аскольд и Диру пришли, и повискакали из лодок все остальные воины. И сказал Олег Аскольду и Диру: «Вы – не князья и не княжеского рода, но я – княжеского рода» и вынес Игоря: «А это – сын Рюриков». Убили Аскольда и Диру и понесли на гору, похоронили Аскольда на горе, которая теперь зо-

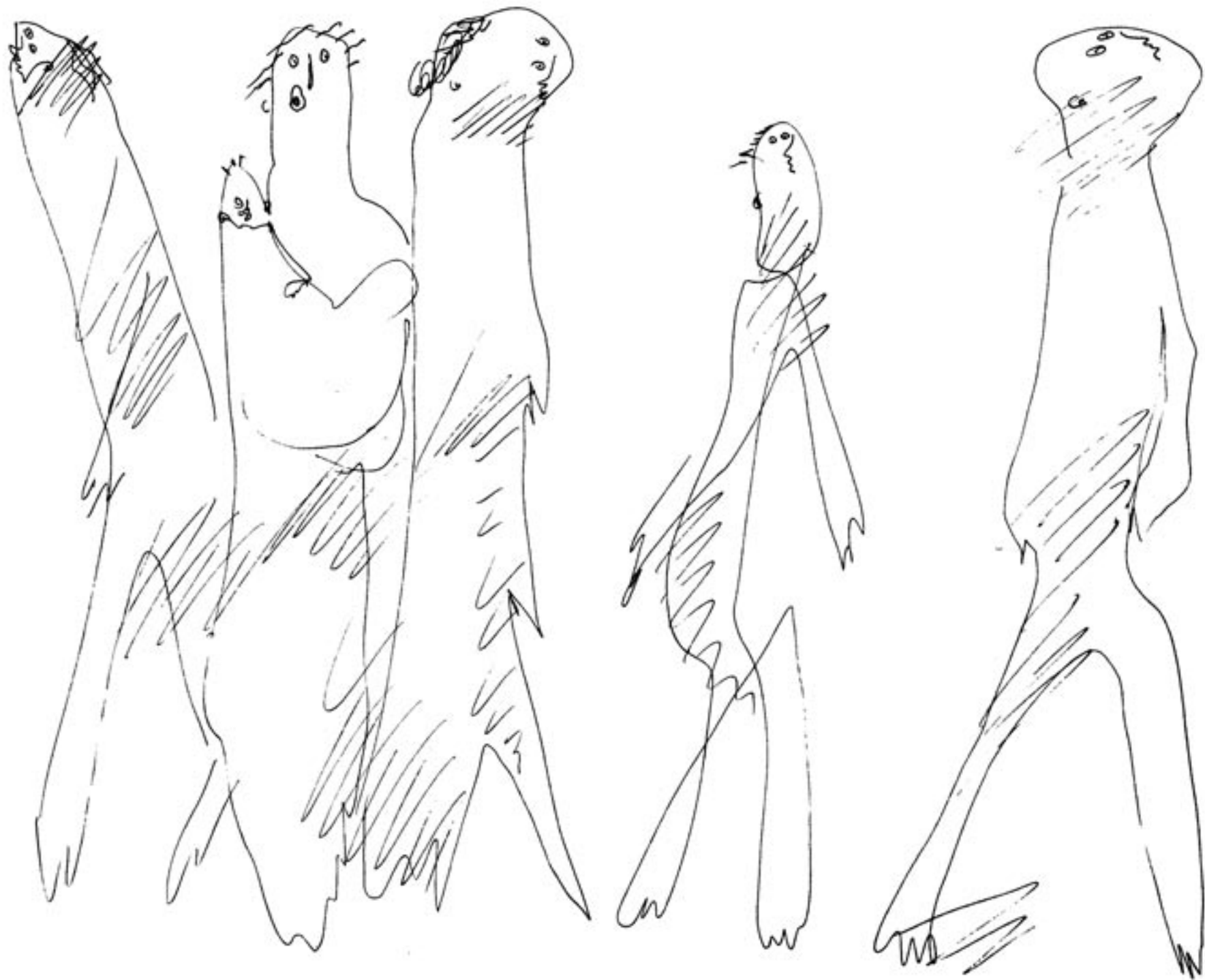
вется Угорским, где теперь двор Ольмы; на той могиле поставил Ольга церковь св. Николая, а Дирува могила – за св. Ириною. И сел Олег, княжа, в Киеве и сказал: «Пусть этот город будет матерью городам Русским». И были у него Варяги и Словене и прочие, прозванные Русью. Этот Олег начал города ставить и установил дани Словенам, Кривичам и Мере; и установил давать дань Варягам от Новгорода, – триста гривен в год – для сохранения мира, которую до смерти Ярослава давали Варягам.

[Походы Игоря на Древлян и его смерть]

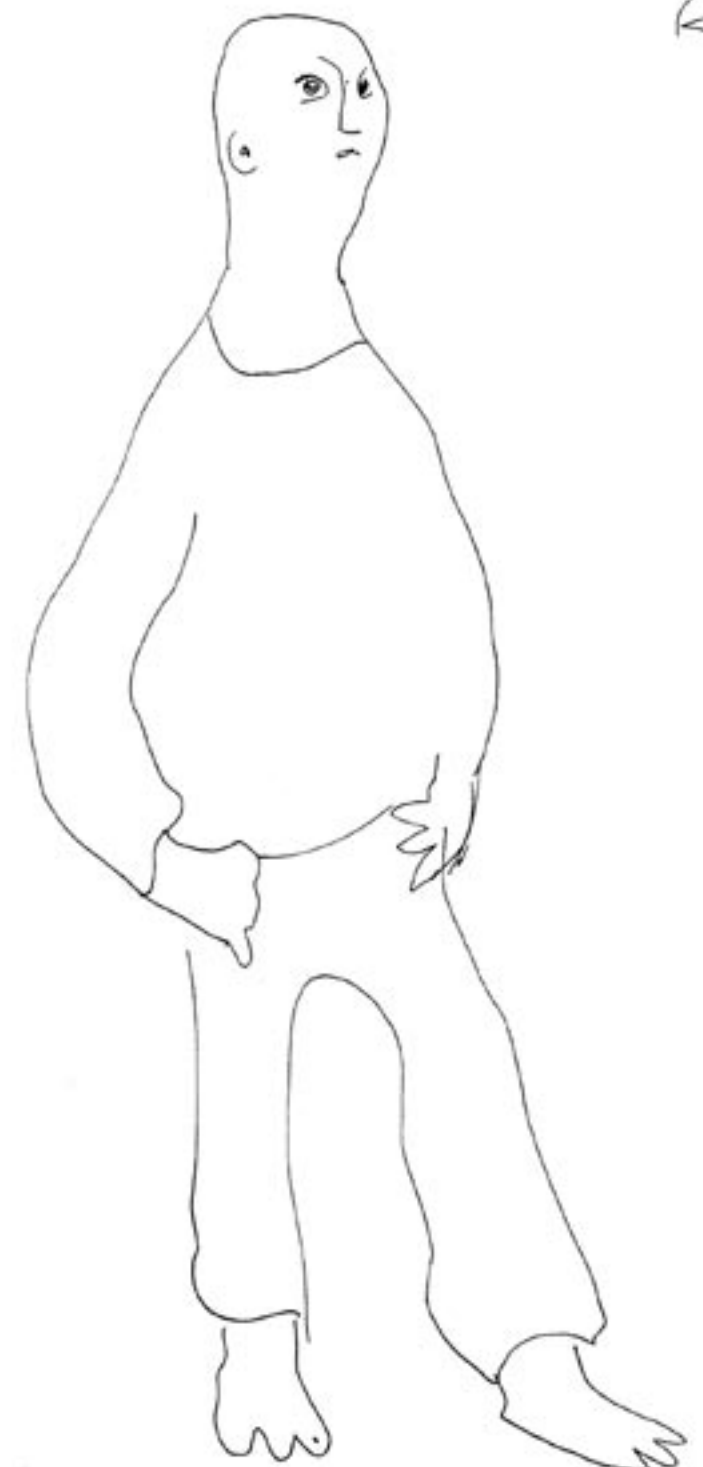
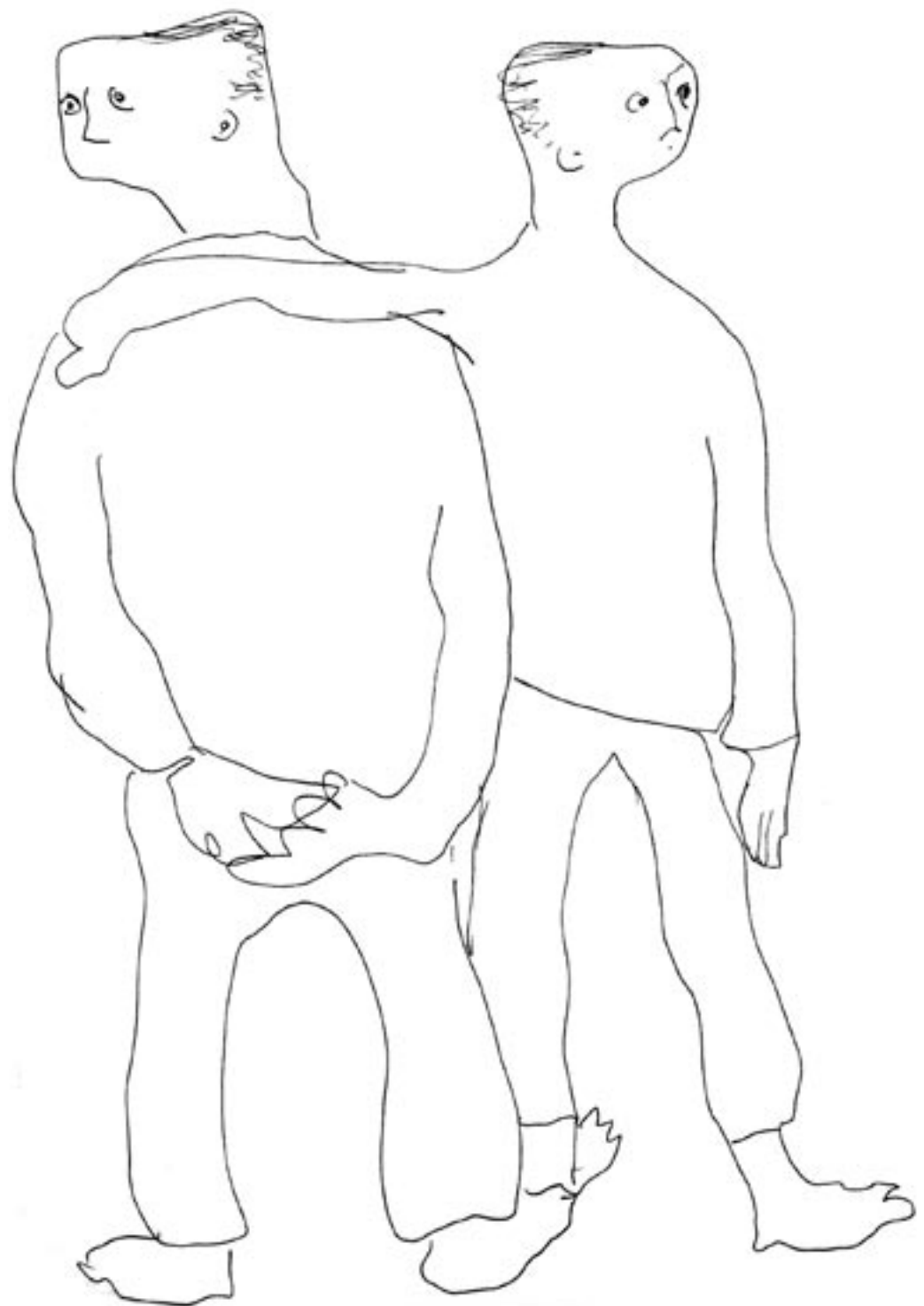
Игорь начал княжить в Киеве, имея мир со всеми странами. И пришла осень, и начал [Игорь] думать о походе на Древлян, желая добыть большую дань.

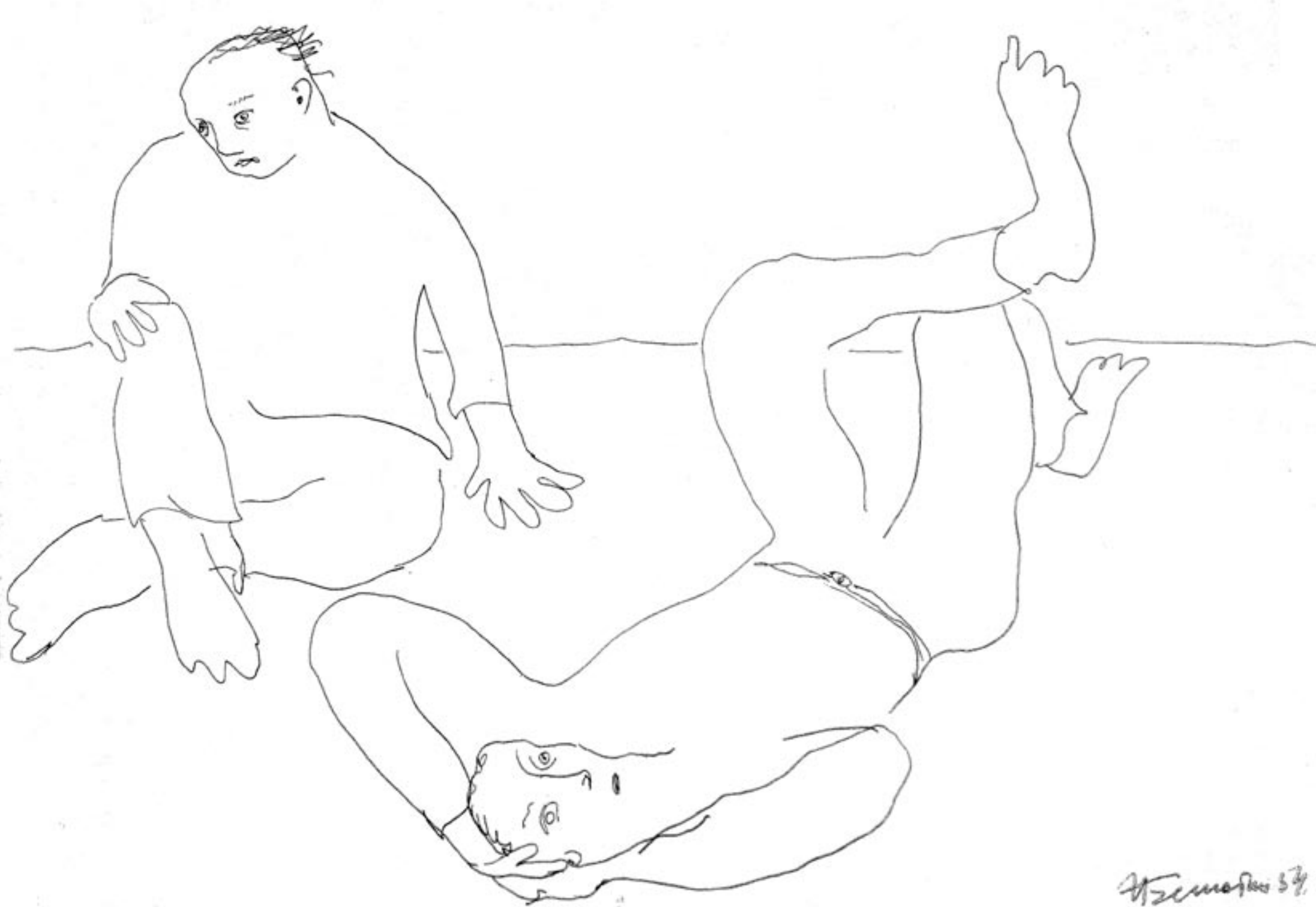
В лето 6453. В этот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельдовы оделись оружием и одеждою, а мы – наги; пойдем, князь, с нами за данью: ты добудешь и мы». Послушал их Игорь, пошел к Древлянам за данью; и прибавляли к прежней дани и чинили насилие им (Древлянам) мужи его. И, взяв дань, пошел в свой город. Когда он шел обратно, поразмыслил и сказал дружине своей: «Идите с данью домой, а я возвращусь и еще похожу». И отпустил дружину свою домой, а [сам] с малой дружиной вернулся, желая побольше добра. Услышали Древляне, что опять [он] идет, и порешили Древляне с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то унесет все стадо, если не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему говоря: «Почто идешь опять? ты забрал всю дань». И не послушал их Игорь. Вышли из города Искоростеня против

Atten. 59

Хизметов 57

[Игоря] Древляне, убили Игоря и дружину его: их было мало. И похоронили Игоря: могила его у города Искоростеня в Древлянской земле – до сего времени.

[Ольга мстит Древлянам за смерть Игоря]

[Первая месть]

Ольга же была в Киеве с сыном своим маленьким Святославом, а Кормильцем его был Асмуд, а воеводой Свенельд, отец Мистишин. Сказали Древляне: «Вот князя убили русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала, и Святослава и сделаем с ним, как захотим». И послали Древляне лучших мужей, числом двадцать, в лодке к Ольге. И пристали под Боричевым в лодке: тогда вода протекала возле горы Киевской, а на Подоле не жили люди, но на горе; город же Киев был там, где теперь двор Гордятин и Никифоров; а двор княжеский, бывший в городе, – там, где теперь двор Воротиславль и Чудин, а «перевесище» было вне города; и был вне города другой двор, где теперь двор Доместиков за св. Богородицей, над горою, двор теремной: был там терем каменный. И сказали Ольге, что пришли Древляне. И позвала их Ольга к себе и сказала им: «Добрые гости пришли», и ответили Древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Ну говорите, ради чего пришли сюда?» Ответили Древляне: «Послала нас Древлянская земля с такими словами: твоего мужа убили, был твой муж словно волк, расхищающий и грабящий; а наши князья – хорошие, устроили Древлянскую землю; иди [замуж] за нашего князя за Мала»: было имя Мал князю Древлянскому. Сказала им Ольга: «Люба мне речь ваша, уж мне своего мужа не воскресить, но хочу почтить

вас завтра перед своими людьми, а теперь идите в лодку свою и лежите в лодке величаясь; я утром пошлю за вами, а вы скажите: не едем ни на конях, ни пеши не едем, но понесите нас в лодке, и понесут вас в лодке». И отпустила их в лодку. Ольга велела выкопать яму большую и глубокую во дворе теремном вне города. И утром Ольга, сидя в тереме, послала за гостями. И пришли к ним со словами: «Зовёт вас Ольга на честь великую». Они же сказали: «Не едем на конях, ни на повозках, ни пешком не пойдём, но понесите нас в лодке». Сказали Киевляне: «Нам неволя, князь наш убит, а княгиня наша хочет [замуж] за вашего князя». И понесли их в лодке. Они же сидели избочевившись, в больших «сустугах», гордясь. И принесли их на двор к Ольге и, принеши, бросили их в яму вместе с лодкой. И наклонилась Ольга к ним со словами: «Хороша ли вам честь?» Они же сказали: «Пуще нам Игоревои смерти». И велела [Ольга] засыпать их живыми, и засыпали их.

[Вторая месть Ольги]

И послала Ольга послов к Древлянам сказать: «Если вы вправду просите меня, то пришлите знатных мужей, чтобы в великой чести выйти за вашего князя, иначе не пустят меня люди Киевские». Услышав это, Древляне выбрали лучших мужей, которые держали Древлянскую землю, и послали за ней. Когда Древляне пришли, велела Ольга приготовить им баню и сказала им: «Вымойтесь и приходите ко мне». Они разоггли баню (истопили баню), Древляне влезли и начали мыться; заперли баню с ними, и велела [Ольга] зажечь ее от дверей: там все погорели.

[Третья месть Ольги]

И послала к Древлянам с такими словами: «Вот я уже иду к вам, приготовьте меда много у города, где убили моего мужа: я поплачу над могилою и совершу тризну над мужем моим». Они, услышав про то, привезли очень много медов и сварили. Ольга же взяла мало дружины и шла налегке, пришла к могиле и плакала над мужем своим. И велела людям своим насыпать могилу большую и, когда насыпали, велела совершать тризну. Потом сели Древляне пить, и велела Ольга своим отрокам служить им. И сказали Древляне Ольге: «Где наша дружина, которую мы послали за тобой?» Она ответила: «Они идут за мною с дружиною моего мужа». Когда напились Древляне, она велела своим отрокам пить за них, а сама отошла в сторону и велела дружине избивать Древлян, и избивали их пять тысяч. Ольга возвратилась в Киев и снарядила воинов против остальных [Древлян].

[Четвертая месть Ольги]

Начало княжения Святослава. В лето 6554. Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Древлянскую землю. И вышли Древляне против. Когда оба войска сошлись вместе, бросил копьём Святослав в Древлян, копьё пролетело сквозь ушей коня и попало коню в ногу: [Святослав] был очень мал. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем». И победили Древлян. Древляне побежали и заперлись в своих городах. Ольга со своим сыном устремила на город Искоростень, так как те убили мужа ее, и остановилась около города с сыном своим,

а Древляне затворились в городе и крепко бились из города: они знали (сами убили князя), что им предстоит.

Стояла Ольга год и не могла взять города. И придумала таким образом: послала [послов] к городу со словами: «До чего вы хотите досидеть, все города ваши передались мне и согласились на дань, обрабатывают поля на своей земле, а вы хотите умереть с голоду, не соглашаясь на дань». Древляне же ответили: «Мы бы ради давать дань, но ты хочешь мстить за мужа своего».

Сказала им Ольга, что: «я отомстила уже обиду мужа своего, когда пришли к Киеву первый и второй раз, а в третий раз, когда совершала тризну над мужем своим, а теперь уже не хочу мстить, но хочу иметь дань по немногу и, помирившись с вами, пойду назад». Сказали ей Древляне: «Чего ты хочешь у нас? рады дать медом и шкурами». Она же сказала им: «Теперь у вас нет ни меда ни шкур, но прошу у вас немногого: дайте мне от двора по три голубя и по три воробья; я не хочу наложить тяжелой дани, как мой муж, но прошу у вас малого: вы ведь изнемогли в осаде». Древляне обрадовались, собрали со двора по три голубя и по три воробья и послали Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот уже вы покорились мне и моему сыну, идите в город, а я завтра отступлю от города и пойду в свой город». Древляне обрадовались, вошли в город и сказали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга раздала воинам каждому по голубю, а другим по воробью, и велела к каждому голубю и воробью привязать серу, обернув ее в маленький лоскуток и привязав ниткою к каждому из них.

И велела Ольга воинам своим, как только смеркнется, выпустить [на волю] голубей и воробьев. Голуби и воробьи по-

летели в гнезда свои, одни в голубятни, а другие – под свесы кровли. И таким образом загорелись голубятни, где клетки, где верхушки домов, где сеновалы, не было двора, где бы не горело, и нельзя было гасить, потому что все дворы загорелись. И побежали люди из города, и велела Ольга своим воинам хватать их. Взяв город, сожгла его, захватила старейшин городских, и прочих людей – одних перебила, а других отдала своим мужам в рабство, остальных заставила платить дань. Наложила на них тяжелую дань: две части идут к Киеву, а третья к Вышгороду к Ольге, потому что Вышгород был Ольгин град.

И ходила Ольга по Древлянской земле с сыном своим и с дружиною, устанавливая уставы и уроки; существуют ее становища и ловища. И вернулась в Киев с сыном своим Святославом и прожила один год.

[Уставы Ольги в Новгородской земле]

В лето 6455. Пошла Ольга к Новгороду, установила по Мете погосты и дань, по Луге – оброки и дани; по всей земле – ее ловы, межевые знаки, места и погосты; сани ее стоят в Плескове (Пскове) и до наших дней; перевесища – по Днепру и по Десне; существует ее село Ольгичи и доселе. Устроив все, вернулась к сыну своему в Киев и жила с ним в любви.

[Ольга принимает крещение в Царьграде.

Хитрость Ольги]

В лето 6463. Пошла Ольга к Грекам и пришла в Царьград. Был тогда царем Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга; увидал царь, что она очень красива лицом, удивился уму ее, бе-

седовал с ней и сказал: «Подобает тебе царствовать вместе с нами». Она сообразила и сказала царю: «Я – язычница, если хочешь меня крестить, то крести меня сам, иначе я не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просвещенная, она радовалась душою и телом. И поучил ее патриарх о вере... и дал ей наставления о церковном уставе, о молитве, о посте и милостыне, о целомудрии. Она же, наклонив голову, стояла, словно губка, впитывающая влагу, внимая учению... Назвали ее в крещении Елена, как и древняя царица, мать Константина Великого. Благословил ее патриарх и отпустил.

После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу тебя взять себе в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня в жены, когда сам меня крестил и назвал меня дочерью? У христиан нет такого закона, ты сам хорошо знаешь». И скажи царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей много даров, золото и серебро, шелковые материи и сосуды разнообразные, и отпустил ее, назвав ее дочерью себе. Она же, собираясь домой, пришла к патриарху, прося благословения дому, и сказала ему: «Люди мои язычники и сын мой, пусть сохранит меня бог от всякого зла»... И благословил ее патриарх. Она пошла с миром в свою землю и вернулась в Киев...

Когда Ольга пришла в Киев, прислал к ней царь греческий [послов] со словами: «Я много дал тебе подарков: ты же говорила мне, когда вернусь в Русь, много даров пришлю тебе: рабов, воск и шкуры звериные и воинов на помощь». Сказала Ольга в ответ послам: «Если ты так же постоишь у меня на Почайне, как я у тебя в Суде, тогда тебе и дам [эти дары]». С этими словами она отпустила послов.

[Ольга проповедует христианство Святославу]

Жила Ольга с сыном своим Святославом, и учила его мать креститься, но он пренебрегал этим и не обращал внимания; если кто хотел по [своей] воле креститься, не возбраняли, но ругались над тем... Ольга часто говорила [Святославу]: «Я, сын мой, познала бога и радуюсь, если ты познаешь, и ты радоваться начнешь». Он же не внимал этому, говоря: «Как я захочу один принять другой закон, дружина начнет этому смеяться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то все сделают то же самое». Он же не слушал матери и хранил нравы языческие, не зная, что если кто матери не послушает, тот в беду попадет.

Тем не менее Ольга очень любила сына своего Святослава, говоря: «Воля божия да будет; если бог захочет помиловать род мой и землю Русскую, то положит им на сердце обратиться к богу, как и мне бог дал». Сказала так и молилась за сына и за людей дни и ночи, воспитывала сына своего до возмужалости и совершеннолетия...

[Нравы Святослава]

В лето 6472. Когда князь Святослав вырос и возмужал, начал собирать много храбрых воинов; ведь он был очень храбр, ходил легко, как барс, ведя многочисленные войны; во время походов не возил за собою обозов, не возил котлов, не варил мяса, но тонко нарезав зверину или конину или говядину, пек на угольях и ел; не имел шатра, но подстилал чепрак, а седло – в головах; такими были и все остальные его воины.

[Походы Святослава]

Посылал послов к [различным] народам со словами: «Хочу идти на вас». Пошел на Оку реку и на Волгу, нашел Вятчей и сказал Вятчам: «Кому дань даете?». Они же отвечали: «Козарам по шлягу от плуга даем».

В лето 6473. Пошел Святослав на Козар. Услышали Козары, вышли против с князем своим Каганом и выступили в бой. Одолел Святослав Козар и город их Белу Вежу взял. Одолел Ясов и Касогов и провел их к Киеву.

В лето 6474. Победил Святослав Вятчей и наложил на них дань.

В лето 6475. Пошел Святослав на дунайских Болгар, после боя одолел Святослав Болгар, взял восемьдесят городов по Дунаю и сел княжить там, беря дань с Греков. [Печенеги освобождают Киев]

В лето 6476. Пришли Печенеги на русскую землю в первый раз, а Святослав был в Переяславце. Заперлась Ольга со внуками своими – Ярополком, Олегом и Владимиром – в городе Киеве. И окружили Печенеги город силой великой, бесчисленным множеством: нельзя было из города ни выйти, ни весть послать; люди изнемогали от голода и жажды. И собрались люди другой стороны днепровской в лодках, стоя на одной стороне, и нельзя было ни одному из них войти в Киев, ни из города к тем. Встужились люди в городе и говорили: «Нет ли кого, кто бы мог на ту сторону перейти и сказать тем: если завтра не приступите к городу, то сдадимся Печенегам». И сказал один отрою «Я пойду», и молвили ему: «Иди». Он вышел из города с уздой и бегал между Печенегами, говоря: «Не видал ли кто

коня?»: он умел говорить по-печенежски, а те сочли его за своего. Он приблизился к реке, сбросил с себя одежду, бросился в Днепр и стал переходить в брод. Печенеги увидели и бросились стрелять в него, но ничего не могли ему сделать. С той стороны увидели его, поехали в лодке к нему навстречу, взяли его на лодку и привезли его к дружине. И сказал им: «Если завтра не подступите к городу, то люди хотят сдаваться Печенегам». Сказал воевода их именем Претич: «Завтра подступим на лодках, захватим княгиню и княжичей, умчим на эту сторону и людей; если этого не сделаем, погубит нас Святослав». На другой день сели на лодки, затрубили громко в трубы, и люди в городе подняли крик. Печенеги подумали, что пришел князь, побежали в разные стороны. И вышла Ольга с внуками и людьми к лодкам. Увидел это князь Печенежский, вернулся один к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» И сказал ему: «Люди той стороны». И сказал князь Печенежский: «Ты не князь ли?» Тот отвечал: «Я – его муж и пришел со сторожевым отрядом, а за мною идут воины с князем – бесчисленное множество». Так он говорил, угрожая им. Сказал князь Печенежский Претичу: «Будь мне другом». Тот в ответ: «Пусть будет так». И подали друг другу руки и подарил Печенежский князь Претичу: коня, саблю и стрелы, а тот дал ему броню, щит и меч. И отступили Печенеги от города, и нельзя было напоить коней на Лыбеди от Печенегов. И послали Киевляне послов к Святославу со словами: «Ты, князь, чужую землю ищешь и охраняешь, а свою бросил, чуть было не забрали нас Печенеги и мать твою и детей твоих; если не придешь и не оборонишь нас, то в другой раз нас заберут. Неужели тебе не жаль своей отчиз-

ны, матери старой и детей своих?» Выслушал Святослав, быстро сел на коня с дружиною, пришел к Киеву, целовал мать свою и детей своих, жалел о бывшем от Печенегов. Собрал воинов, прогнал Печенегов в степь, и наступил мир.

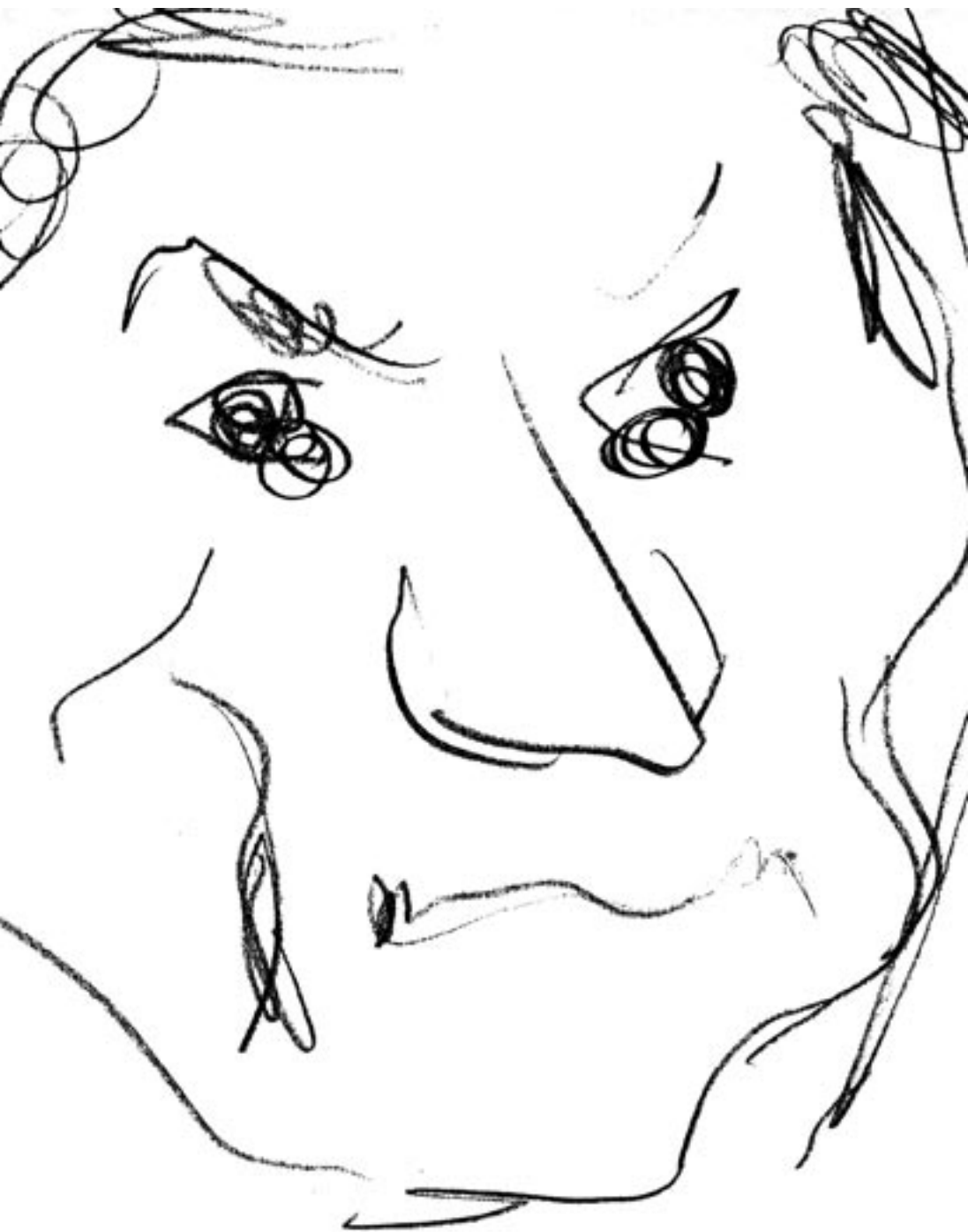
[Святослав собирается жить в Переяславце.
Смерть Ольги]

В лето 6474. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце Дунайском: там середина земли моей, туда все блага сходятся: от Греков шелковые ткани, золото, вино и фрукты различные, от Чехов и Угров – серебро и кони, от Руси – шкуры звериные, воск, мех и рабы». И сказала ему Ольга: «Видишь, я больна, как ты хочешь от меня уйти?». Она очень разболелась и сказала ему: «Похорони меня и иди, куда хочешь». Через три дня умерла Ольга. И плакали над ней сын ее и внуки ее и люди все плачем великим. И понесли и похоронили ее на месте...

Ольга завещала не чинить тризны над ней, она имела священника, и тот похоронил блаженную Ольгу.

May

АРХОНТИССА РОССОВ

Ольга – первое женское имя, названное летописцем.

Осталась безымянной супруга Рюрика, мать Игоря. Ее существование подтверждается и тем, что по одной из версий, Олег, взявший в свои руки правление после смерти Рюрика, был братом жены Рюрика и, значит, родным дядей малолетнего княжича.

Но и об Ольге историки не сумели сказать ничего определенного. Достоверно то, что была супругой Игоря, и нашел для племянника Олег, что была очень хороша собой и умна, о чем свидетельствует все ее правление. Нет никаких данных о том, что княгиня-мать уступила власть достигшему совершеннолетия сыну Святославу. Скорее всего, сохранила власть до конца своих дней, а Святослав выступал на ратном поле от ее имени. Ольга – единственная княгиня, которой летописец уделяет так много места, как и наиболее значительным князьям.

Происхождение красавицы-княгини также остается загадкой. Одна из версий – простая псковитянка, обратившая на себя внимание князя, – в каждой стране сохраняется вариант сказки о короле и пастушке. Другая, впрочем, ничем не подтвержденная, легенда видит в Ольге болгарскую княжну, которая родилась не в Пскове, а в древней столице болгар – городе Плиске. Отсюда ее тяготение к христианству, высокая образованность, способность вести на равных беседу с византийским

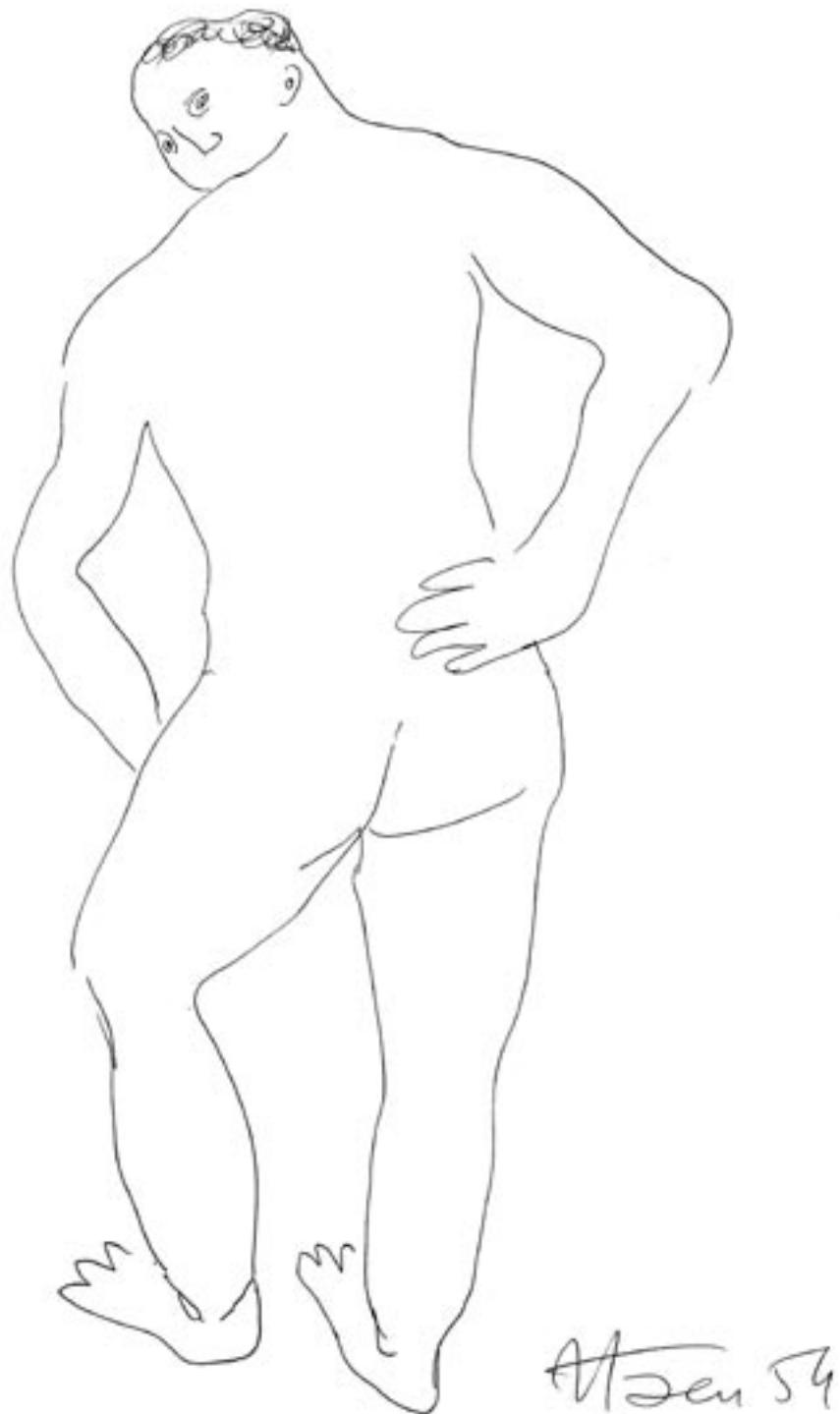
императором, организовать учет и распределение налогов по всем своим землям. Она знает обиход императорского двора и – язык общения, чего часто не принимали в расчет историки.

Ольге дорог погибший муж, но она не собирается стать смиренной вдовицей, а заявляет о своих правах и умеет эти права отстаивать, вызывая безусловное повиновение и уважение всей княжеской дружины. Еще одно непроясненное обстоятельство – время и место крещения Ольги. Согласно хрестоматийной версии, Константинополь, где после совершения обряда патриарх обратился к ней со словами: «Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих».

Но есть данные предполагать, что крещение произошло раньше – или в Киеве, где к тому времени существовала немалая христианская община, или и вовсе – в Болгарии. Из политических соображений княгиня могла решиться на повторение обряда крещения – прегрешение, в котором она могла впоследствии покаяться.

Перед кончиной прожившая очень долгую жизнь княгиня приняла постриг. В дальнейшем она была канонизирована под своим христианским именем Елены. Память ее отмечается церковью 11 июля. Нетленные мощи святой равноапостольной Ольги-Елены через 19 лет после смерти были перенесены принявшим христианство ее внуком великим князем Владимиром в построенный в Киеве храм Пресвятой Богородицы – Десятинную церковь. Над гробницей было устроено оконце, которое открывалось перед каждым молящимся. Как гласит стихира

в ее честь: «Яко солнце возсия нам, преславная память твоя, Ольго Богомудрая, мати князей Российских, Христова мизиница, апостольским учением воспитана, возмогла еси на кумиры, паче же на Диавола, силою Святого Духа просвещаемая, от тмы неразумия всю страну и люди к Богу привела еси, Его же моли о творящих твою память».

ЗОДЧИЕ

Суровая гладь могучих каменных стен. Непрístupные утесы высоко поднявшихся башен, скупо прорезанных угрюмыми бойницами. Простые и величественные силуэты среди широкого разлива густо заросших зеленью рек, необъятных полей, чуть волнистых равнин, синей глади сливающихся в бесконечную ленту озер... Псковщина...

Древняя русская земля, западный ее рубеж и край обороны. Немало врагов с оружием в руках век за веком направлялось в эти края.

Они гибли у псковских крепостей. Редкий год стихал здесь пожар войны, и потому так густо покрыли Псковщину оборонительные сооружения, до сих пор поражающие своей силой, великолепным искусством безымянных инженеров и строителей.

Имена строителей Пскова до нас не дошли. Это были люди из народа мастера русской архитектуры, великие зодчие своего времени, оставившие нам в наследство историческую песнь в камне.

Ни у самих псковичей, ни у их зодчих не было возможности тратить слишком большие средства, а главное время. Враги не ждали, каждая минута грозила новым вторжением, новыми боями. И вот из этих условий, которые ставила сама жизнь, рождались неповторимые особенности псковской архитектуры, мужественной и человеческой.

Псковичи отдавали предпочтение камню. Широко распространенный известняк был прочнее других материалов и легко добывался. Его ломали и тут же, на месте из нетесаных волнистых плит строили стены. Чтобы известняк не выветривался, стены густо обмазывали известковым раствором, а затем белили. В зависимости от местности побелка бывала желтоватой и розоватой, придавая суровой мощи сооружений неожиданную нарядность, почти праздничность.

Первые укрепления Пскова были несложными – простой деревянный тын на насыпном земляном валу, окружавшем посад. Здесь жил князь с дружиной. Нападение в 977 году из Прибалтики полоцкого князя Рогвольда заставило псковичей серьезно заняться фортификационными сооружениями. Считается, что с этого времени заново укрепленный Кром получил сохранившееся за ним на много веков название Детинца. Рыцари Ливонского ордена, которые в 12 веке сменили полоцких князей, представляли еще более опасных и могущественных врагов.

Вслед за подчинением Прибалтики они обращают свои усилия на Псковщину. К середине XIII столетия псковичи еще раз полностью перестраивают Детинец, на этот раз заменяя деревянные стены каменными. Особенно важная для обороны южная стена Перши укрепляется прорытым у ее основания искусственным протоком – Греблей, замкнувшим водное кольцо вокруг кремля.

Но очень скоро одного кремля становится недостаточно. «Этот город так обширен, пишет автор немецкой хроники XIII века, что его окружность обнимает пространство многих городов, и в Германии нет города, равного Пскову». Быстро раз-

растается город, и вместе с тем совершенствуется военная техника. Новым средствам нападения надо было противопоставлять новые средства обороны. Приглашенный псковичами князь Довмонт-Тимофей, оставшийся в местных летописях символом безмерного мужества и храбрости, сооружает в 1270 -1280 годах новый оборонительный рубеж – примкнувший с южной стороны к кремлю так называемый Довмонтов город.

И дальше год от года все новые каменные кольца охватывают Псков. В 1309 году заканчивается строительство стены старого Застенья, в 1375 году Среднего города, постоянно перестраиваются башни кремля. В 1400 году возводится Кутекрома, могучая угловая башня близ слияния Великой и Псковы, с которой народная память связала впоследствии имя А. С. Пушкина. Во время своих приездов в Псков поэт любил сидеть в ней. Отсюда второе название Кутекромы «Пушкинская беседка».

В 1482-1484 годах поднялись каменные стены Запсковья, а в 1500 году две башни в устье Псковы – Высокая и соединенная стеной с Кутекромой – Плоская со стороны кремля. Это были последние постройки вольного Пскова. В 1510 году город вошел в состав Московского государства. Из Москвы присылается оставшийся безымянным строитель, по замыслу которого создается оригинальное фортификационное сооружение, позволявшее в случае нападения перекрывать Пскову в пределах города.

Для этого в верхнем течении реки, около нынешней Гремячей башни, и в устье были проведены с одного берега на другой каменные стены с арками и деревянными опускными

решетками, открывавшимися для воды и судов. При появлении врагов в воротах опускались решетки из дубовых, окованных железом, бревен, и внутренняя гавань города становилась неприступной. До наших дней осталась часть стены у кремля, сохранившая название стены «у Нижних решеток», примкнувшая к башне Плоской, Гремячая башня, построенная в 1525 году, и часть Верхних решеток. Как отмечала летопись, «в лето 7033 повеле князь Василий Иванович своему дьяку Мисюрю Мунехину построить стрельницу каменную на Гремячей горе, над Псковую рекою, на кручи, и того же лета сделаша тайник».

Перестройки и укрепления псковских стен продолжались до конца XVII века. Общая их длина достигла 10 верст, на протяжении которых размещалось 40 башен и «захабов» особых защитных сооружений у ворот. Сильно выдвинутые перед воротами стены несли накат, на котором ставились артиллерийские орудия, внизу же эти стены образовали очень тесный длинный проход, затруднявший всякую попытку проникновения неприятеля в крепость. Псковские укрепления были снабжены противоминными галереями «слухами» и множеством подземных ходов. Вся эта сложнейшая система вместе с необычайной мощностью стен (в среднем 12 метров высоты и 4 метра ширины) делала Псков одной из самых могучих средневековых крепостей в Европе. Недаром, если не считать единственного случая предательства бояр в 1234 году, город никогда не видел врагов в своих стенах.

Но силу неприятельских ударов испытывали на себе не только псковские стены. Часто вражеские отряды доходили до

них наполовину разбитые, а то и не доходили вообще. На их пути становились другие крепости Псковщины, не уступавшие своему главному городу ни в беспредельной отваге, ни в первоклассных укреплениях.

Подобно Пскову на месте древнего славянского городища возник Изборск, один из старейших русских городов, упоминаемый начальным летописцем как центр кривического поселения. При посаднике Селоге в 1303–1330 годах был он перенесен на гору Жераву и обнесен крепостными стенами. С тех пор его история вошла в легенду. Триста лет, с начала XIII до начала XVI века, Изборск был основной русской крепостью, принимавшей на себя удары ливонского ордена. Его стены выдержали десятки жесточайших боев и осад и заслужили городу славу оплота всей Псковской и Новгородской земли. До сих пор как величавый памятник воинской славы поднимаются его могучие башни-бастионы с неожиданно ласковыми, почти песенными названиями: Темнушка, Рябиновка, Куковка, Вышка, Колокольная, Плоская.

Более короткой, но не менее славной была военная история Псково-Печерского монастыря. Он подвергался постоянным набегам и опустошениям, пока в 1558–1565 годах не был обнесен стеной с шестью башнями и тремя воротами, к которым впоследствии присоединилось еще четыре башни. До нашего времени дошли девять, десятая в начале XIX века была снесена.

Техника кладки роднит печорские стены со стенами Запсковья. В них также, помимо известнякового камня, использованы отдельные ряды валунов, придававшие кладке особую

прочность и вместе с тем живописность. Более нарядны и завершения башен, очень разных по плану и формам, под шатровыми тесовыми кровлями, с резными «прапорами». Но эта же Печорская крепость выдержала в 1581–1582 годах тяжелейшую осаду польского короля Стефана Батория, в 1611–1613 годах нападения Лисовского и шведского короля Густава Адольфа. Впоследствии возведенные Петром I дополнительные укрепления позволили ей выстоять против бешеного натиска шведов и во время последней для нее Северной войны.

Суровая простота роднит с оборонительными сооружениями и прославленные псковские храмы, небольшие по размерам, почти лишенные декоративных украшений, со строгими пропорциями.

Весь уклад жизни Пскова, как и Новгорода, был иным, чем в других русских землях. Его отличала демократичность, участие жителей в управлении. На вечех народных собраниях, решавших судьбу города, играли большую роль ремесленники, мелкие торговцы. Они же и были заказчиками в строительстве церквей. Причем сама по себе каждая церковь являлась зданием и религиозным, и общественным. При ней происходили народные собрания, в глубоких, специально оборудованных подвалах, зачастую хранились товары, казна.

Самые ранние по времени церкви Пскова еще не имеют своего особого стиля. Выстроенный в сороковых годах XII века Преображенский собор Спасо-Мирожского монастыря говорит о силе киевских и новгородских традиций, впрочем, и создавался он по инициативе новгородского архиепископа Нифонта. С этим монастырем связано развитие местной шко-

лы живописи, в его стенах переписывалось и сохранялось «Слово о полку Игореве». О сильном влиянии Новгорода свидетельствует и построенный во второй половине XII века Предтеченский собор Ивановского монастыря. В последующие столетия формируется особый, псковский стиль. Обычно псковский храм имеет кубическую форму. Его гладкие выбеленные стены делятся на три части плоскими пилястрами «лопатками», завершающимися полукруглыми арками. Над основным кубом возвышается несущий главу барабан, с восточной стороны к храму примыкают выстроенные в неполную высоту полукруглые апсиды. Декоративные украшения сводятся к замысловатым «дорожкам» в верхней части барабана и под кровлей апсид. Зодчий бережно сохраняет гладь стен, которые кажутся вылепленными рукой скульптора благодаря неровной «дышащей» поверхности плитняка. Часто на стенах храмов делалась звонница, на которую вешались колокола, чисто псковская деталь. В больших по размерам храмах, вроде Козьмы и Демьяна с Примостья (1462–1465 гг.), Богоявления (XV в.) или Успенья у Парома, (XVI в.) звонница часто ставилась отдельно, причем к ней пристраивались складские помещения. В них наряду с товарами хранились оружие и порох.

Звонницы играли особую роль в жизни города. В церкви Василия «на Горке» (1413 г.), например, выстроенной на «боевом месте», сразу за крепостной стеной «нового Застенья», на звоннице висел «сполошный» колокол, которым поднимали по тревоге защитников города. С Козьмодемьянской звонницы раздался в 1610 году призыв к восстанию бедноты. Как повествует летопись, «видевше же мелкие люди погибель свою... и по-

идоша на Запсковье... и зазвоница в колокол у чудотворцев Козьмы и Дамияна, и скопишася множество человек... и в помощь придеша Запсковью и в думу».

Псковские храмы поражают своими очень узкими окнами. Те, которые в них есть сейчас, пробиты позднее. В первоначальном своем виде окна псковских церквей напоминали щели бойниц узкие, затопленные в глубине стены. Тем не менее их было совершенно достаточно для своеобразного освещения внутреннего помещения. Световые щели прорезались в барабане и в верхней части трех стен южной, западной и северной, с восточной же стороны делались сравнительно низко. Какими бы узкими ни были окна, сильно расширяющиеся внутрь откосы усиливали и равномерно распределяли световые лучи.

Все эти черты ярко видны в малых, посадских храмах, предельно экономных по размерам и отделке, как например церковь Николы от Каменной ограды (XV в.) на старой Изборской дороге. Ограниченные в средствах заказчики, согласно существовавшему обычаю, заранее договаривались с мастерами о точном размере платы, и это побуждало строителей строить быстро и расчетливо. Небрежная работа неизбежно лишила бы их заказов на будущее, почему они и искали выхода в постоянном совершенствовании конструктивных решений и техники. Инженерные достижения псковичей были так значительны, что их приглашали не только в качестве исполнителей, но и как специалистов-экспертов в Москву. Считается, что из их числа вышел и один из создателей храма Василия Блаженного в Москве – Постник Яков.

Псковичи отдают предпочтение так называемым бесстолпным храмам не имевшим опорных столбов. Соответственно ими разрабатывается система так называемых ступенчатых сводов. Иногда они вводят «подцерковья» подвалы, служившие одновременно цоколем здания и позволявшие сообщить маленькому сооружению большую величественность. Любопытным приемом псковичи добивались в храмах хорошей акустики они вделывали в стены резонирующие глиняные горшки голосники.

Гражданская архитектура Пскова, получающая особенное развитие в XVII веке, тесно связана и с церковным, и с крепостным зодчеством. Жилые каменные дома этих лет отличаются тяжелый массив стен, достигающих двухметровой толщины. Выкладывались они опять-таки из местного плитняка на известковом растворе многолетнего гашения. В стенах делались лестницы, межэтажные переходы, ниши, кладовые, тайники. Помещения перекрывались коробовыми и сомкнутыми сводами. Имевшие вид крепостных амбразур окна плотно закрывались железными коваными ставнями и решетками. Фасады не несли никаких декоративных украшений. Со стороны улицы стены были совершенно гладкими, со двора, обнесенного высокой каменной стеной, делалось характерное псковское крыльцо на широких приземистых столбах с вытянутыми арками и крестовым сводом. Лишь в некоторых случаях окна украшались сложными наличниками с резьбой по известняку.

По духу своего творчества псковские зодчие прежде всего инженеры. Они и в жилых домах были предельно скупы на декоративные украшения и сосредоточивали все внимание на

ПОГАНКИНЫ ПАЛАТЫ

пропорциях, соотношении отдельных частей здания, окон и стен. Они пользовались наиболее передовыми строительными приемами своего времени, как например плоскими каменными перекрытиями проемов, которые делались из рядовой плитной кладки, армированной полосовым железом. Дома, вне зависимости от состоятельности владельца будь то огромные Поганкины палаты, принадлежавшие голове Псковского денежного двора, или гораздо более скромная Солодежня, в которой жил торговый человек, имели подклеты, каменный и над ним деревянный этажи. Последние почти нигде не сохранились, но в свое время служили для жилья.

Конец XVII века многое изменил в судьбах города и самой псковской архитектуры. Едва ли не последним значительным общественным сооружением в нем стал Троицкий собор в кремле (1682–1689 гг.), непривычная для Пскова громада которого поднимается на 72-метровую высоту. Строился собор по присланным из Москвы чертежам и повторял в общих чертах распространявшийся столицей тип пятикупольного храма с огромным внутренним пространством. Выложен собор из тщательно вытесанного плитняка, подчеркивающего строгий геометризм его форм и деталей. После окончания войны со шведами интерес в государстве к Пскову падает. Значение торгового центра было им потеряно. Новые пути, связывавшие Россию с Западной Европой, прошли мимо него. Разразившиеся в 1710 году «моровое поветрие» и «пожарное разорение» бесповоротно решили судьбу города. Много церквей и домов было заброшено и разобрано, та же участь постигла и крепостные сооружения. В дальнейшем в городе строились только отдельные здания.

Своеобразен и неповторим облик древнего Пскова, одного из самых больших городов Европы XIII века. Вплоть до XVII столетия город оставался преимущественно деревянным. Жильем служили рубленые дома узкие, высокие, объединявшие, по возможности, под одной кровлей все жилые и хозяйственные помещения.

Только в первой половине XVII века на улицах города начинают вырастать жилые здания из камня. Они напоминали маленькие крепости, приземистые, с гладью преувеличенно массивных, прорезанных редкими оконцами, стен. Каменный дом не просто должен был свидетельствовать о зажиточности своего владельца, главной представлялась охрана от пожаров и разбойных нападений - постоянной опасности средневекового города. Строители, подражая внешним формам местной крепостной и церковной архитектуры, в отношении внутренней планировки и устройства домов шли по пути традиций, сложившихся, в деревянном зодчестве. Не случайно характерной особенностью псковских построек были верхние деревянные этажи, служившие для жилья.

В 20-х годах XVII века земли одного из самых удобных по расположению городских кварталов Пскова постепенно начинают переходить в руки потомка «Федьки Константинова сына Поганово с Полонища», «огородника», как его называли

современные документы, С. И. Поганкина. Место это называлось «Красным Крестом», то есть красивым перекрестком. Сходились здесь улицы Большая, служившая продолжением Большого ряда Нового торго, и Великая. С. И. Поганкин был богатейшим человеком Псковщины. Помимо огородов и садов, ему принадлежали 56 лавок, кожевенный завод, не гнушался он и контрабандной торговли, но самое важное состоял головой Псковского денежного двора. Всего в Русском государстве таких денежных дворов было три. Позднее вошел Поганкин в гостиную сотню стал числиться купцом, был кабацким головой, ездил представителем Пскова в Москву.

Начатая Поганкиным постройка дома и служб заняла целый квартал. Состояла она из огромного по тем временам и сохранившегося поныне каменного здания собственно палат, и окруженного каменной стеной двора, где располагались различные подсобные строения, ныне бесследно исчезнувшие. В 1646 году в документах впервые встречается упоминание об уже существующих Поганкиных палатах. Стояли они на пустыре, на небольшом пригорке. Композиционно палаты складываются из трех расположенных по Г-образному плану частей, которые имеют соответственно три, два и один этаж. Подобное деление определялось хозяйственным назначением построек. Трехэтажный флигель представлял жилье самого Поганкина. Двухэтажный, вполне самостоятельный, но вместе с тем связанный с предыдущим внутренним переходом, был отведен одному из отделившихся членов его семьи, предположительно старшему сыну. В одноэтажном флигеле помещалась поварня. Внешний вид палат очень характерен для псковских жилых

построек. Плоскость стен нарушается только окнами в палатах их 105, какие бы то ни было декоративные украшения отсутствуют. Гладь стен становится и вовсе единой при закрытых ставнях. Особенность устройства окон такова, что, будучи помещены в особых впадинах, они имели ставни точно на уровне стены. Известную живописность фасадам придает несимметричное расположение оконных проемов. Они находятся высоко над землей, на разной высоте и на различном расстоянии друг от друга в соответствии с очень сложным сочетанием этажей внутри палат.

Относительно размеров здания окна очень малы и снабжены еще больше затеняющими их витыми решетками. В XVII веке их проемы еще больше сокращались своеобразной оконной «оконным просветом», не связанным с каменной кладкой, в который вставлялись собственно переплеты. Последние были подвижными, чтобы закрывать железные ставни. Вход в палаты оформляли два каменных крыльца, скрепленных железными связями.

Однако то ощущение предельной простоты и суровости, которое вызывают сейчас Поганкины палаты, первоначально отсутствовало. Здание оживлял верхний деревянный этаж, разобранный в 1748 году. Одновременно были разобраны крыльца, светлицы, вышки, гульбище – род открытого балкона, с которого открывался великолепный вид на город.

Внутреннее устройство дома говорит о характере хозяйства и своеобразном быте богатейшего псковского купца. Все помещения нижнего этажа представляют различного рода хранилища. Массивные стены, достигающие под трехэтажной частью

палат толщины в 2 метра, сложены из «дикой» плиты и нетрухляты штукатуркой. Каменные своды, железные ставни и такие же двойные двери при очень слабом освещении создавали впечатление крепостного бастиона. Этому сходству способствовали многочисленные ниши в стенах дома. Но Поганкина, при его огромном богатстве, уже не удовлетворяли устоявшиеся формы жизни купечества. Он, по выражению одного из современников, относился к числу «боярствующих» стремившихся подражать боярству. Поэтому на втором этаже главного флигеля им делаются необычные по размерам для купеческих домов парадные сени. Но это не мешало рядом с ними разместить в нескольких палатах какое-то производство.

Из сеней лестница вела на третий этаж, предназначенный для приема гостей. Он имеет две половины мужскую и женскую. Каждая из этих половин в свою очередь делилась на столовую палату и «веселый» покой. Это было полнейшим новшеством, занесенным из Москвы и только после Поганкиных палат укоренившимся в местной строительной практике. Раньше этаж для гостей состоял из единственного помещения, что вынуждало после угощения всю уборку производить в присутствии посторонних. Весь этаж хорошо освещен.

Первоначальная его штукатурка была покрыта очень тонким слоем известковой побелки теплого тона. Звучными декоративными пятнами смотрелись ярко расписанные изразцовые печи. Судя по сохранившимся фрагментам, пол покрывали ромбовидные сосновые плиты.

Любопытное устройство представляли положенные в стенах всех помещений вентиляционные каналы. Отопление

имелось на втором и большей части третьего этажей. Тепло этих печей, по-видимому, использовалось для отопления несохранившегося деревянного этажа. Деревянная надстройка над поварней служила жильем для многочисленной дворни.

Палаты сравнительно недолго находились во владении семьи Поганкиных, которая погибла во время эпидемии 1710 года. Дом перешел в казну и некоторое время служил складом провианта, фуража и пороха. В дальнейшем дом переходил несколько раз из казны в частные владения, пока в 1900 году казна не передала его Псковскому Археологическому обществу, которое двумя годами позже переоборудовало его под музей. В годы Великой Отечественной Войны особенно значительно пострадала трехэтажная часть палат. Начиная с 1951 года в Поганкиных палатах велись восстановительные и реставрационные работы, которые и позволили сообщить уникальному памятнику древнерусского зодчества его первоначальный вид. В настоящее время в помещении Поганкиных палат расположен музей.

•

Это самая древняя улица Кремля - проулок между тесно сомкнувшимися каменными стенами, но здесь нет стен моложе трехсот лет. Прозрачный, прошитый вспышками света кристалл Дворца съездов, раскинувшееся вокруг него полотнище травы с прорисью тонких берез - это наш сегодняшний день. Но если шагнуть в полутьму низко пригнувшихся сводов - этим путем когда-то выезжал со своего двора московский патриарх на соборную площадь Кремля, - а потом свернуть вдоль стен Патриаршего дворца. Легкой прозеленью отсвечивают искоженные камни мостовой. И где-то в вышине плещутся над каменным ущельем обрывки облаков.

За углом низкие ступени неожиданно выдвинувшегося крыльца перечеркивают проход. Торжественный строй уходящих в толщу стены полуколонок резного портала словно втягивает в себя улочку, косые лучи солнца, прохожих. Успенский собор. Самый древний собор Москвы, самый величественный памятник древнего Московского государства.

Перестройка кремлевских соборов опередила перестройку башен и стен. Успенский собор, сооруженный из белого камня еще в 1326 году (если не считать его недавно появившегося предшественника конца XII столетия), спустя полтора столетия пришел, по свидетельству летописца, в полную ветхость и держался подпорками из бревен. Московский князь Иван III решает построить новый собор. Князя поддерживает

митрополит Филарет, но средств у обоих недостаточно, приходится прибегать к исключительным мерам. Митрополит облагает специальным налогом все монастыри и попов, миряны призывают к добровольным пожертвованиям. Уже спустя считанные месяцы можно было объявить, по существовавшему в Москве порядку торг на подряд. Его выигрывал тот, кто предлагал самую низкую цену. Успенский тор выиграла Иван Кривцов и Мышкин, наблюдать же за работами было поручено Ивану Голове и Василию Ермолину. Однако у Ермолина вскоре произошла «пря» - ссора - с Головой, и он отстранился от участия в строительстве.

Особенно широких возможностей у строителей собора не было. Поддержанный митрополитом, московский князь хотел видеть в Кремле повторение прославленного и высокочтимого Успенского собора во Владимире, только непременно больших размеров: план нового собора увеличивался по сравнению с владимирским на 3 метра в обе стороны. Это должен был быть наглядный символ преемственности власти могущественных владими́ро-суздальских князей. Расцвет и сила города Владимира относились к домонгольской поре, но и в последующее время великие князья продолжали по традиции венчаться на княжение в нем же. Владимир представлялся им наследником Киева, символом единой Руси.

И снова характерный московский прием, вскоре повторившийся при перестройке кремлевских стен: старый собор решено было не разбирать - постройка велась вокруг него. На месте будущего алтаря воздвигли временную деревянную церковь, в которой происходит торжественное венчание Ивана III с ви-

зантийской принцессой Софьей Палеолог. Старые стены разбирали только тогда, когда новые уже поднялись в рост человека. К маю 1474 года собор был возведен до сводов, но неожиданно рухнула северная сторона, половина западной и столпы. Несомненно, правы эксперты из числа русских строителей, признавшие применявшуюся известь недостаточно вязкой. Верно и то, что в роковую для собора ночь Москва пережила стихийное бедствие - землетрясение: «...трус во граде Москве... и храмы все потрясаша, яко земля поколебася».

Но эксперты из числа славившихся своим строительным мастерством псковичей уклонились от перестройки собора, и направленному к венецианскому дожу послу Семену Толбузину было поручено найти в Италии опытного строителя - мастера «каменосечной хитрости». Выбор С. Толбузина пал на широко известного архитектора и инженера из Болоньи Аристотеля Фиораванте. Фиораванте было предложено жалование по 10 рублей, или иначе - по 2 фунта серебра в месяц. В марте 1475 года после четырехмесячного пути архитектор с сыном Андреем и «паробком Петрушкой» прибыл в Москву. Западноевропейская слава Фиораванте достигла к этому времени своего зенита.

В течение весны – осени 1476 года Успенский собор доводится до высоты аркатурного пояса, а в следующий строительный сезон вчерне заканчивается. Еще два года заняли купола и внутренняя отделка. Освящение собора состоялось в августе 1479 года. «Бысть же та церковь, – отмечают под этим годом Никоновская и Воскресенская летописи, – чудна вельми величеством и высотой и светлостью, и звонностью, и простран-

твом, такова прежде того не бывала на Руси, опричь Владимирския церкви, а мастеръ Аристотель».

Насколько Успенский собор представлял в своем архитектурном решении замысел и вдохновение зодчего, по существу почти не тронутые временем, настолько соседний с ним Благовещенский собор может служить примером коллективного труда многочисленных наслоений, которые несла с собой каждая новая эпоха. Строили Благовещенский собор в 1484 – 1489 годах славившиеся своим искусством псковские мастера и строили для нужд дворцового быта: собор предназначен был стать придворной церковью великого князя и соединялся сенями с его дворцом, стоявшим на месте нынешнего Большого Кремлевского. Отсюда летописное название Благовещенской церкви – «на царских сенях», «на великого князя дворе». Обычно настоятели собора становились духовниками московских государей, как известный протопоп Сильвестр при Иване Грозном или деятельно поддерживавший начинания молодого Петра I протопоп Петр Васильев. В первоначальном своем виде собор рисовался как небольшой, поднятый на высокий подклет куб под тремя главами, окруженный с трех сторон открытой террасой – гульбищем. Высота подклета позволила связать храм с жилыми помещениями второго этажа примыкавшего к нему дворца. В дальнейшем этот прием получает в московской архитектуре широкое развитие. Находки кремлевского строительства вообще охотно подхватываются и разрабатываются русскими зодчими. Зато сами псковичи под впечатлением крыльца Успенского собора находят интересный мотив обработки глав в виде арочек, опирающихся поочередно по бокам окон на колонки и

на кронштейны, что так же становится характерным приемом московского зодчества. Но при этом в отличие от строителей Успенского собора псковичи отказываются от законов строгой симметрии, свободно обращаются с архитектурными формами. Из трех белокаменных порталов XV века в 1950 году восстановлен по обнаруженным фрагментам один – в южной галерее: уходящая в толщу стены перспектива полу- и четвертьколонок с килевидными арками – архивольтами.

Особенно значительные изменения внес в облик Благовещенского собора XVI век. Считалось, что еще в самом начале столетия гульбище было перекрыто сводами. Однако реставрационные работы последних лет позволяют выдвинуть предположение, что такое решение гульбище имело с самого начала. В 1563 – 1566 годах в ознаменование Полоцкой победы на сводах гульбища по углам строители возвели четыре бесстолпные одноглавые церковки. Тогда же над старой частью собора были сооружены еще две глухие главы. К 1560-м годам, по всей вероятности, можно отнести северный и западный порталы. Фланкированные колоннами, они имеют антаблемент и архивольт. Их покрывает сплошная резьба по мотивам Возрождения – вызолоченная, на синем поле, прототипом для которой послужила резьба порталов соседней Грановитой палаты и Архангельского собора. Двустворчатые медные двери несут роспись на темы библейских сюжетов, выполненную техникой золотой наводки.

После 1572 года собор приобрел новое крыльцо с юго-восточного угла – необходимость, вызванная очередной жеманностью Ивана Грозного. Вступив в четвертый раз в брак, он

лишался, согласно догматам православия, права присутствовать на богослужении в церкви. Пристроенное крыльцо заканчивалось верхней площадкой, отделенной от придела собора аркадой на резных столбах. Отсюда Грозный слушал службу. В XIX веке у Грозненского, как его называли, крыльца была достроена ризница, а открытая западная и северная галереи застеклены. Внутреннее пространство Благовещенского собора производит впечатление словно бы отрешенного от окружающего мира домового храма, предназначенного для одной семьи. Небольшое само по себе, оно зрительно значительно сокращается за счет высокой стены иконостаса, четырех прямоугольных опорных столбов и низко нависающих над головами хоров. В свою очередь, это впечатление усиливается сплошным ковром покрывающих стены, столбы и своды фресковых росписей и пестротой, словно излучающего внутренне свечение желтовато-красного из агатовидной яшмы, пола. По преданию, пол был вывезен Иваном Грозным из собора в Ростове. Своды Благовещенского собора выполнены в виде характерных для псковской архитектуры системы ступенчатых арок.

Впервые Благовещенский собор был расписан в 1508 году. По свидетельству Софийской летописи, «повеле князь великий Василий Иванович всея Руси подписывати церковь Благовещения святых Богородицы у себя на дворе; а мастер Феодосий Дионисьев Рождественского собора Ферапонтова монастыря (1502). Однако фрески Феодосия были писаны после пожара 1547 года, те же, которые сменили их, в течение XVII – XIX веков неоднократно поновлялись.

В 1882 году была предпринята попытка снять поздней-

шие записи. Но только в 1947 году группе реставраторов под общим руководством И. Э. Грабаря удалось раскрыть ряд фрагментов старой росписи. Выяснилось, что в наилучшей сохранности находятся старые фрески в алтаре собора, на столбах, хорах, во втором и третьем ярусе жертвенника и дьяконника и композиция «Выведение апостола Петра из темницы» в северо-западном углу под хорами. Иначе говоря, от прошлого в основном сохранились сюжеты, композиционные особенности и рисунок росписей. Собственно живопись и относящиеся к тому далекому прошлому красочные решения подверглись существенному изменению.

Росписи собора посвящены трем независимым друг от друга группам тем. Южная и северная стены, а также стены алтарей посвящены земной жизни Богородицы и Христа. Под хорами представлена расплата человека за земную жизнь в жизни загробной. Сюда входят «Ложно Авраамово», сцены Страшного суда, «Земля и море, отдающие мертвецов». Роспись столбов и стен хоров утверждает идею династической преемственности власти московских князей от византийских императоров. Это портретная галерея, в которой представлены княгиня Ольга и ее внук Владимир, Александр Невский, его сын – первый московский князь Даниил, Дмитрий Донской, Иван III и другие.

О характере росписи южной и северной галерей собора, выполненной в XVI веке, и притом, вероятнее всего, в период 1520 – 1563 годов, можно судить по единственному оставшемуся нетронутым, позднейшими записями фрагменту – «Троице» (справа от западного портала). От XVII века сохранились повторяющиеся схемы предшествующего столетия композиции:

«Подвиги монастырских затворников» и «О тебе радуется» (западная галерея), «Чудо с пророком Ионой» (северная галерея). Над входом в северную галерею находится «Спас Нерукотворный» прославленного Симона Ушакова (1661).

В остальном стенопись многократно переписывалась и поновлялась в течение XVII – XIX веков, потеряв благодаря этому многие живописные качества, она тем не менее представляет совершенно исключительный интерес по своему содержанию. Свод галереи занимает так называемое «Древо Иисеево» – условное родословие Христа по библейским мифам. На склонах свода и в простенках между окон изображена целая плеяда древних философов – Аристотель, Птолемей, Фукидид, Зенон, Анаксагор, Плутарх, каждый с соответствующим нравоучительным изречением. На пилястрах изображены писатели древности, начиная с одетого в широкополую шляпу Вергилия, кончая Гомером в русском платье, венце и мантии.

Построенный псковичами Благовещенский собор сменил ранее существовавшую на том же месте и специально разобранную соименную церковь. По свидетельству летописи, расписана она была в 1405 году мастерами. «Феофаном иконником Гречином, да Прохором старцем с Городца, да чернецом Андреем Рублевым» – первое упоминание имени великого художника. Фрески эти при перестройке погибли. Долгое время считалось, что та же участь постигла и написанные прославленными мастерами иконы. Только в 1920 году советским реставраторам удалось установить, что они находятся на старых местах в иконостасе собора, скрытые под многослойными позднейшими записями.

Со своими монументальными фигурами деисусного чина, написанными Феофаном Греком (кроме архангела Михаила, апостола Петра, Георгия и Дмитрия), большим циклом «праздников», авторами которых были Прохор с Городца и Андрей Рублев, этот иконостас к тому же представляет древнейший образец сохранившихся многоярусных иконостасов классической формы. И ни в каких музейных залах так явственно не рисуется творческий портрет каждого из художников, причем именно в тех условиях, для которых они создавали свои произведения.

Феофан приехал в Москву не позднее 1395 года уже прославленным мастером. До этого ему приходилось работать в Константинополе, Галате, Каффе, Халкидоне. В 1378 году он расписал церковь Спаса Преображения на Ильине в Новгороде – фрески, дошедшие в фрагментах до наших дней. Московских иконописцев и зрителей одинаково завораживают неисчерпаемая фантазия художника, его бурный темперамент, создающие ощущение нервной напряженности асимметричные композиции, богатство тональной палитры, используемые для выражения сложнейших душевных переживаний. «Философ зело хитрый», по выражению современников, Феофан поражал их и своими рассуждениями об искусстве, которые особенно охотно вел в ходе работы. Одна из миниатюр так называемого Остермановского тома лицевого свода летописи XVI века запечатлела Феофана, пишущего фреску именно среди толпы зрителей. Художник был известен и как мастер книжной миниатюры – «книг изограф нарочитый».

Среди икон деисусного чина Благовещенского собора особенно сильное впечатление производят спокойно задумчи-

вый образ Богоматери, хрупкой женщины в потоке тяжелых тканей, и исполненный скорби, внутренних сомнений Иоанн Предтеча.

Монументальное и вместе с тем проникнутое страстной патетикой искусство Феофана Грека, несомненно, оказало значительное влияние на творчество молодого Рублева. Но непосредственным учителем великого иконописца скорее можно назвать Прохора с Городца. Выполненные Прохором и Андреем Рублевым «праздники» Благовещенского собора сильно пострадали в XVII веке. Они были протерты пемзой, процарапаны по остаткам живописи глубокими графьями и затем переписаны. Все это не позволило вернуть иконам первоначального вида даже после самой тщательной реставрации. Тем не менее в них достаточно явственно прослеживается почерк обоих мастеров.

С именем Прохора с Городца связываются «Успение», «Сошествие во ад», «Сошествие святого Духа», «Вознесение», «Положение во гроб», «Распятие», «Тайная вечеря». Иконописцу превосходно знакома традиция византийской живописи XIV века. Он любит резкие света, сочные блики, предпочитает быстрые «движки», звучный цвет, что скрадывает недостаточность его художнического темперамента.

Для Андрея Рублева работа в Благовещенском соборе первая. Документальные источники называют его художником «чернецом», иначе монахом. Впрочем, все сведения, которыми мы и сегодня располагаем о великом мастере, носят очень приблизительный характер. Можно считать, что родился Рублев около 1360 – 1370 года, умер между 1427 – 1430 годом, что был он скорее всего выучеником иконописной мастерской Троице-

Сергиева монастыря. Среди «праздников» Благовещенского собора его кисти относят «Вход в Иерусалим», «Преображение», «Воскрешение Лазаря». «Крещение», «Сретение», «Рождество Христово», «Благовещение». И как бы ни были тронуты последующими переписями, каждая икона по-своему свидетельствует о кисти Рублева – о характерном для великого мастера отказе от привычных композиционных схем, постоянных исканиях цвета ради того, чтобы достигнуть большей эмоциональной насыщенности и выразительности образов. Рублеву чужды внутренний драматизм, чувство уныния и скорби. Мир его икон – мир ясного и доброжелательного спокойствия, сочувствия и понимания, но не осуждения человека. Это – пронизывающее все творчество художника ощущение мечты о взаимопонимании и единении людей, которые были так важны на рубеже XIV – XV веков для русского народа. Художник сознательно уходит от средневековых принципов аскетизма, старается разобраться в душевных движениях человека и самого себя, готовый отозваться на каждое высокое чувство, снисходительный к любой человеческой слабости.

Остальные ярусы иконостаса относятся к различным периодам. Четвертый, или пророческий, выполнен псковичами, вызванными для поновления собора после пожара 1547 года. Пятый, праотеческий, относится к XIX веку. Нижний составлен из разновременных икон. Древнейшая из них, «Спас на престоле», выполнена в 1337 году при Иване Калите иконописцем Михайлой. Расположенная на южной стене рядом с иконостасом Четырехчастная икона работы псковских мастеров середины XVI века Остани, Якова, Михайлы, Якушки и Симеона Ве-

ликого Глаголя настолько необычна по своей композиции, что ее живописное решение специально обсуждалось на Стоглавом церковном соборе в присутствии самого Ивана Грозного. Бронзовый золоченый оклад иконостаса относится к XIX столетию и выполнен по рисунку архитектора Н. Султанова.

Конечно, поводы для сооружения в Древней Руси каждого храма были разными, но в Кремле XV века они обычно отмечают собой события большого государственного значения, становятся своеобразными их памятниками. Небольшой белокаменный куб поднятой на высоком подклете одноглавой церкви Ризположения, вплотную придвинувшейся к западному крыльцу Успенского собора, часть все той же древней кремлевской улочки.

В 1448 году собор русских епископов, впервые не обратившись за согласием к константинопольскому патриарху, избирает на свой митрополичий престол рязанского епископа Иону – решающий шаг к полной церковной независимости Московского государства. Иона спешит подтвердить свое новое положение сооружением в Кремле жилых каменных палат – как считается, первой здесь гражданской каменной постройки. При палатах строится домовая митрополичья церковь Ризположения.

После пожара 1473 года митрополит Геронтий отстраивает заново двор и закладывает в 1484 году новую церковь, которую строит артель псковичей.

В свое время псковские строители были вызваны в Москву для обследования рухнувшего Успенского собора. Отказавшись от его строительства, они возвели в Кремле другой – Бла-

говещенский собор и церковь Ризположения. Отсюда сходство форм двух последних сооружений. Первоначально Ризположенская церковь была окружена открытым гульбищем, спускавшимся к Соборной площади двумя нарядными сходами-лестницами. Вместе с тем у Ризположенской церкви много общего с московскими соборами начала XV века, например со Спаским собором Андроникова монастыря. Характерна для Москвы и самая техника кирпичной кладки, в которую введены белокаменные порталы и имитирующие белокаменную резьбу терракотовые плиты.

Пользуясь, казалось бы, одними и теми же приемами, псковичи умеют их бесконечно варьировать. Подобно Благовещенскому собору, фасады Ризположенской церкви членятся на три части, но вместо венчающего стены аркатурного пояса строители используют своеобразный фриз из терракотовых балясин, подчеркнутый неширокой орнаментальной лентой. Несмотря на небольшие размеры храма, зодчие впервые прибегают здесь к контрастному расчленению объемов постройки, как бы окончательно отходя от монолитности Успенского собора. Соответственно понижаются боковые закомары – прием, получающий особенно широкое распространение в архитектуре XVI – XVII веков.

Основные изменения во внешнем виде Ризположенской церкви произошли в середине XVII века. Домовая церковь митрополитов, а с 1589 года патриархов, она передается патриархом Никоном дворцу после того, как сам он начинает строить для себя в 1654 году новые палаты. Лестницами церковь была соединена с теремами, северное гульбище перекрыто сводом,

заново сделаны западный и северный порталы, а главный вход сооружен со стороны Успенского собора.

Принадлежность к жилым помещениям и непосредственная связь с ними особенно явственно дают о себе знать во внутреннем, очень небольшом пространстве церкви. Ее своды покоятся на четырех прямоугольных в плане столбах с арками, на которых без обязательных в подобной системе конструкций парусов поставлены барабаны. Своды и стены были расписаны фресками в 1644 году теми же мастерами, которые работали перед этим над поновлением стенописи Успенского собора, – Сидором Поспеевым, Семеном Осиповым, Иваном Борисовым и другими. Сюжетами для росписей послужило апокрифическое повествование о жизни Богородицы и торжественное песнопение – акафист во славу ее. Много раз переписанные, они были восстановлены реставраторами в 1955 – 1956 годах.

К несколько более раннему времени относится живопись иконостаса. Его деисусный чин, ряд «праздников» и «пророков» были написаны в 1627 году группой иконописцев во главе с известным мастером Назарием Истоминым Савиным. Тогда же сделаны из серебряной басмы оклады иконных полей. В 1963 году реставраторы восстановили тябла иконостаса. В настоящее время первый и второй его ярусы составляют иконы из разных церквей Кремля. В нижнем ряду находится храмовая икона «Положение ризы Богородицы во Влахернах» (XVII в.), «Тихвинская Богоматерь» (XVI в.) в раме с клеймами XVII века и «Троица» Назария Истомина Савина (1627).

Особый интерес представляет развернутая в галереях Ризположенской церкви, используемых в качестве выставоч-

ных залов, экспозиция памятников древнерусской скульптуры. Развитой ее традиции древнерусское искусство не имело, тем любопытнее немногочисленные сохранившиеся примеры. В этом отсутствии интереса к скульптуре сказались и специфика русского изобразительного искусства того времени. Здесь сказывалось и настороженное отношение к ваянию опасавшейся возрождения идолопоклонства церкви. Первая Псковская летопись приводит очень характерный, относящийся к 1540 году эпизод: «...того же лета ко успеньеву дню привезоша старцы, переходцы с иныя земли, образ святого Николы, да святую Пятницу на рези в храмцах; и бысть псковичам в неведении, что во Пскове такие иконы на рези не бывали, и многие невежливые люди поставиша то за болванопоклонение, и бысть в людех молва велика и смятение».

ЗВАЛИ ЕГО ФЕДОСОМ

КУРЬЕРЫ, КУРЬЕРЫ, КУРЬЕРЫ...

Ветер над заледенелыми колеями. Ветер на раскатанных поворотах. Ветер в порывах острого мерзлого снега. И одинокая фигура, плотно согнувшаяся под суконной полостью саней. Быстрее, еще быстрее! Без ночлегов, без роздыха, с едой на ходу как придется, пока перепрягают клубящихся мутным паром лошадей. «Объявитель сего курьер Прокофий Матюшкин, что объявит указом ее императорского величества, и то вам исполнить без прекословия и о том обще с ним в Кабинет ее императорского величества письменно рапортовать, и чтоб это было тайно, дабы другие никто не ведали. Подписал кабинет-секретарь Алексей Макаров».

Что предстояло делать, знал на память – кто бы рискнул доверить действительно важные дела бумаге! – а вот с чьей помощью, этого не знал и он сам, личный курьер недавно оказавшейся на престоле Екатерины I. Секретная инструкция предписывала – начиная с Ладоги в направлении Архангельска высматривать обоз: четыре подводы, урядник, двое солдат-преображенцев и поклажа – ящик «с некоторыми вещьми». О том, чтобы разминуться, пропустить, не узнать, не могло быть и речи. Такой промах немислим для доверенного лица императрицы, к тому же из той знатной семьи, которая «особыми» заслугами вскоре добьется графского титула. И появится дво-

рец в Москве, кареты с гербами, лучшие художники для благообразных семейных портретов, а пока только бы не уснуть, не забыть и... уберечь тайну.

В 60 верстах от Каргополя – они! Преображенцы не расположены к объяснениям. Их ждет Петербург и тоже как можно скорее, а всякие разговоры в пути строжайше запрещены. Но невнятно, не для посторонних ушей, сказанная фраза, вынутый и тут же спрятанный полотняный пакет, и обоз сворачивает к крайнему строению деревни – то ли рига, то ли овин. Запираются ворота. Зажигаются свечи. Топор поддевает одну доску ящика, другую...

Совсем нелегко преображенцам подчиниться приказу Матюшкина, но на пакете, показанном уряднику, стояло: «Указ ее императорского величества из кабинета обретающемуся обер-офицеру или унтер-офицеру при мертвом теле монаха Федосия». В грубо сколоченном ящике – холст скрывал густой слой залившей щели смолы, – под видом «некоторых вещей» преображенцы спешно везли в столицу труп. Матюшкину предстояло произвести самый тщательный осмотр – нет ли на нем повреждений и язв. Но доверие даже к курьеру не было полным. Кабинет требовал, чтобы результаты осмотра подтвердили своими подписями все присутствовавшие.

Снова перестук забивающих гвозди топоров, растопленная смола, холст, вязь веревок – ящик готов в путь. И, опережая преображенцев, растворяются в снежной дымке дороги на столицу сани кабинет-курьера. Рапорт, который он увозил, утверждал, что язв на «мертвом теле» не оказалось.

Первый раз за десять суток бешеной езды можно позво-

лить себе заснуть: поручение выполнено, а до Петербурга далеко. Только откуда Матюшкину знать, что его верная служба давно не нужна, что той же ночью, в облаке густой поземки, его сани разминутся с санями другого курьера, как и он, напряженно высматривающего направляющийся в столицу обоз: четыре подводы, солдаты-преображенцы, ящик...

Сержант Воронин далек от царского двора, но приказ, полученный им от самой Тайной канцелярии, вынуждал хоть кое в чем приобщить его к таинственному делу: «Здесь тебе секретно объявляем: урядник и солдаты везут мертвое чернеца Федосово тело, и тебе о сем, для чего ты посылаешься, никому под жестоким штрафом отнюдь не сказывать... Буде же что с небрежением и с оплошностью сделаешь, не по силе сей инструкции, и за то жестоко истязешься». Угроза явно была излишней. Кто в России тех лет не знал порядков Тайной канцелярии, неукротимого нрава руководивших ею П. А. Толстого и А. И. Ушакова! Да разве бы тут обошлось дело штрафом!

Воронин встречает преображенцев на следующий день после Матюшкина. Теперь все зависит от его решительности. Ближайший на пути монастырь – Кирилло-Белозерский. Воронин во весь опор гонит обоз туда. Следующий отчет составлен с точностью до четверти часа. 12 марта 1726 года в «5 часу, в последней четверти» приехали в монастырь и объявили игумену указ о немедленном захоронении. В «9 часов, во второй четверти» того же дня (три часа, чтобы выдолбить могилу!), ящик, превратившийся по церковным ведомостям в тело чернеца Федоса, погребен около Евфимиевой церкви. Настоящее имя, фамилия, возраст, происхождение – все остается неизвестным. Ни

молитвы, ни отпевания – груды звонкой мерзлой земли в едва забрезжившем свете морозного утра. Участники последнего акта подписывают последнее обязательство о неразглашении. С чернецом Федосом кончено.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ

А ведь курьеров было больше. Гораздо больше. Полторы тысячи верст от Петербурга до Архангельска их хоровод в последние месяцы перед выездом обоза с пресловутым ящиком проделывает добрый десяток раз. Всегда спешно. Всегда секретно. Предмет обсуждения – не следствие над Федосом (оно явно закончилось) и не условия его заключения (они тоже установлены), но смерть, возможная, желаемая, необходимая. Конечно, Федос жив и даже не подает признаков болезни. Но поскольку казнить его почему-то не хотят, разве нельзя надеяться и... помогать надежде. Архангелогородский губернатор Измайлов считает, что нужно и полезно. Пусть Тайная канцелярия сообщит, как ему поступать в случае желанной развязки. Ответ не заставляет себя ждать, как всегда жестокий и полный недоверия. «Когда придет крайняя нужда к смерти чернцу Федосу», иначе – не останется возможности выздоровления, впустить к нему для исповеди священника, но не иначе, как в присутствии самого Измайлова. Каждое слово предсмертной, предназначенной самому богу исповеди должно стать известным Тайной канцелярии. Потом келью с умирающим (не умершим!) запереть и опечатать. Если Измайлов будет контролировать священника, то и священник послужит его проверке. Так на-

дежнее, а оставаться кому бы то ни было около Федоса в одиночку строжайше запрещено.

Смысл распоряжения Измайлову ясен. Но ведь оставленный в агонии узник умрет – и тогда появится проблема тела. Каковы указания Тайной канцелярии на этот счет? Снисходительный ответ давал позволение похоронить узника по месту заключения, это значит в Никольском Корельском монастыре, неподалеку от Архангельска, в самом устье Северной Двины. Подорожные подтверждают, что как раз оттуда и начал свой путь обоз преображенцев.

Монашеский сан, монастырские обеты – какое они могли иметь здесь значение! Федос принадлежит Тайной канцелярии и в архангелогородских землях находится в ведении местных гражданских властей. Монастырь – только тюрьма, самая надежная и одновременно безнадежная, без лишних глаз, без ненужных расспросов. А у настоятелей государственным чиновникам остается поучиться угодливости, опасливости, умению предугадывать каждое, даже невысказанное желание начальства. Какая разница, кем приходилось становиться – слугой церкви или царским тюремщиком, лишь бы в руках оставалась власть. Пусть Федоса стерегли преображенцы, о приказах Тайной канцелярии «становился известен» и архимандрит монастыря Порфирий.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I

Впрочем, так ли уж предусмотрителен был Измайлов или попросту знал, что в монастырских условиях Федосу долго не

протянуть? Ведь всего через десять дней после ответа о похоронах к нему приезжает из монастыря дежурный офицер с донесением, что Федос «по многому крику для подания пищи ответу не отдает и пищи не принимает». Измайлову и в голову не приходит торопиться. Пусть офицер возвращается в монастырь, пусть снова попытается добиться через окошко ответа, а если нет, то на следующий – не раньше! – день вскроет дверь и выяснит, что произошло. Еще два дня, и сообщение о смерти Федоса. Наконец-то! В монастырь отправляется распоряжение поставить тело в холодную палату и двери «до времени» опечатать, в Петербург – донесение о случившемся. Службистское чутье губернатора подсказывало, что с похоронами так просто не обойдется. И как поверить, что эти расчетливые ходы делает не какой-нибудь безликий чиновник, но тот самый Иван Измайлов, который в 1697 году уезжал с Петром в Европу учиться морскому и военному делу, служил в гвардии, организовывал русскую армию!

Интуиция действительно не подводит Измайлова. Достаточно нарочному добраться до столицы, как привезенное известие сообщается самой Екатерине, а от нее следует немедленное распоряжение П. А. Толстому: «умершее Федосово тело из Никольского Корельского монастыря взять в Санкт-Петербург». Да не как-нибудь – спешно, опережая могущую наступить распутицу, и совершенно тайно – под видом «некоторых вещей». Об этом предстоит позаботиться Тайной канцелярии.

Тревожным набатом рвет ночную глушь стук в монастырские ворота. Приезжие из Архангельска прибыли выполнить петербургскую инструкцию. Им нужен архимандрит Пор-

фирий и караульные солдаты, состоявшие при покойном. Федос уже похоронен? Что ж, и это предусмотрено царским предписанием. Заступы взламывают застылую землю. Руки скользят на заиндеветых краях поднятого гроба. В четвертом часу ночи в церковном подполье – так дальше от любопытных глаз – гарнизонный лекарь начинает «анатомию»: «вынимает из Федосова тела внутреннюю». Кругом в неверном свете свечей клубок архимандрита, мундиры преображенцев, расшитый кафтан приехавшего для наблюдения подполковника. Своими руками им придется сколачивать ящик, обивать его холстом, превращать гроб в обыкновенную поклажу – участие посторонних запрещено. И ведь ни один не уйдет от мысли: для чего? Конечно, покойников перевозили и на немалые расстояния – чтобы опустить в родную землю, положить рядом с родственниками, воздать последние почести. А здесь – что нужно было царскому двору от останков безымянного монаха?

В ТИХОЙ ОБИТЕЛИ

Синеватый блеск стали. Днем – в жидком свете подвального окна. Ночью – сквозь полусон трудно приоткрытых век. Палаш в руках часового... Всегда в той же «каморе», всегда рядом. Одиночество, хоть на день, хоть на час, – может, это и есть счастье?

За долгие беспросветные ночи сколько можно перебрать в памяти. Всего несколько месяцев назад – Петербург, улицы и под иссушенную трескотню барабанов приговор чернецу Федосу Церковь отрывается от него, Тайная канцелярия становит-

ся единственной распорядительницей судьбы. Последний день в столице... Наутро дорога под надзором подпоручика Преображенского полка, так жестоко оправдавшего свою фамилию – Оглоблин.

Нева, Ладога... Через неделю «ради солдатской трудности» дневная передышка в Тихвинском монастыре и кстати первое упоминание о сане узника – «архиерей Феодосий». На каких-то реках мастерили своими силами для переправы плоты, в каких-то селах сами разыскивали лошадей. Где взять в майскую пору крестьян! В Белоозере случай с асессором Снадиным: обещал, да не дал лошадей. Оглоблин отправил гренадера – «и оной пришед к его двору, стал спрашивать, что дома ли он, Снадин, и его, Снадина, служитель говорил, что де ты пришел будто к мужицкому двору, и пришел де ты в щивилетах и сказал: Снадин гоняит за собаками». Так и пришлось уйти ни с чем.

А может, и не случайность, не небрежение своими обязанностями – просто нежелание помогать тюремщикам? Ведь придет же к Федосу в Вологде проситель с жалобой на местных раскольников. Конечно, по незнанию – придется ему потом расплачиваться допросом в местной Тайной канцелярии, – но все-таки имя Федоса достаточно известно и уважаемо. Дальше день за днем Тотьма, Устюг Великий, наконец, Корельский монастырь.

Именно Корельский... Как же время меняет значение мест! Еще недавно прообраз Архангельска, место начала торговых связей с английскими купцами. Это сюда в 1553 году прибило бурей один из их кораблей. Торговля пошла и стала при-

чиной основания города Новохолмогорова, как назывался сначала Архангельск. Только рождение Петербурга лишило Белое море его значения в торговле. А раньше – знаменитая новгородская посадница Марфа Борецкая. Здесь похоронила она двух своих утонувших сыновей, построила над их могилами церковь Николы, не поскупилась и на целый монастырь. Луга, тони, солеварницы – все отдала на вечное поминовение погибших. Монастырь был razoren во время нашествия норвежских войск, снова восстановлен, и вот теперь...

Федоса не просто ждали – все было приготовлено к встрече: палата в церковном подполье, 50 копеек на еду в день и первый раз вспыхнувший блеск стали. Жизнь замкнулась под землей и церковью над ним. Наверх можно было подниматься на богослужения, и только там не сверкали палаши: в божьем доме их разрешалось вложить в ножны. Зато стоять полагалось посередине церкви, тесно между солдатами, чтобы не переглянуться ни с одним из монахов, где там обменяться запиской или словом. Письма на имя Федоса должны нераспечатанными отсылаться с курьером в Петербург. Бумага, чернила, книги у него отобраны. Порфирий с братией получили наказ исподтишка, главное – незаметно следить за каждым движением узника: а вдруг что захочет сделать, а вдруг что может задумать. С назначенного к Федосу духовника взята расписка вести каждую исповедь «по чину исповедания по печатной книжице, 1723 года марта 4 дня в Москве печатанной и по силе указа 1722 мая 17 о том, как поступать духовникам при исповеди». Сложный шифр означал, что каждое неблагонадежное, а в данном случае и вовсе каждое слово должно было быстро и точно передаваться

гражданским властям. Исповедником исповедника назначался губернатор Измайлов. Всё? Если бы!

У нового курьера и вовсе не было времени. Сам граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, известный дипломат, еще недавно доверенное лицо Петра, успевший выполнить его поручения и в Голландии, и в Копенгагене, и в Париже. Его приезд в монастырь приходится на время обедни. Все монахи и Федос в церкви. Тем лучше. Короткий разговор с Порфирием, беглый осмотр монастыря, и уже каменщик закладывает окно Федосова подземелья. 18 на 18 сантиметров – достаточная щель, чтобы просунуть кусок хлеба или кружку воды. Свет и воздух узнику отныне запрещены. Следующее – пол. Его надо сорвать. Печь развалить, а за это время вынести из палаты все вещи Федоса, кроме постели, и, кстати, самому обыскать ее в поисках писем и бумаг. Граф не гнушается таким занятием – ведь не всякому его и поручат!

К возвращению Федоса из церкви все готово. Еще недавно пригодная для жилья палата превращена в каменный мешок, и из густо осевшего мрака выступает новая фигура – Холмогорский архиерей, который должен снять с Федоса и архиерейский и монашеский сан. Обряд длится минуты. Архиерей и Мусин-Пушкин торопятся уйти. Граф выходит последним, собственноручно закрывает на замок дверь палаты и торжественно накладывает на нее государственную печать. «Неисходная тюрьма» – в темноте, пронзительном холоде (идет октябрь!), миазмах испарений – что страшнее могло придумать воображение!

А вот Федос молчит. Не сопротивляется, не просит поща-

ды, не проклинает, молчит. И когда спустя три месяца, в разгул трескучих январских морозов, Тайная канцелярия неожиданно проявляет заботу о нем – новый спешный нарочный предписывает Измайлову немедленно перевести узника в палату с полом и печью, – Федос остается верен себе. Ему уже не под силу самому перейти в «новоустроенную тюрьму», солдаты переносят его, и единственные произнесенные им слова: «Ни чернец я, ни мертвец; где суд и милость?» Измайлову при всем желании больше не о чем доносить. Что там взглянуть на него, даже просто открыть глаз не пожелал при этом Новгородский архиепископ. Новгородский архиепископ? Да, именно так называет своего узника губернатор.

СОВРЕМЕННОКИ И ПОТОМКИ

Прусский посланник барон Мардефельд в своих донесениях на редкость обстоятелен. Король – а он как-никак пишет лично ему! – чтобы ориентироваться в ситуации русского двора, должен знать каждую мелочь, тем более такое громкое дело. «Архиепископ Новгородский, первое духовное лицо в государстве, человек высокомерный и весьма богатый, но недалекого ума, подвергнут опасному следствию и, по слухам, совершил государственную измену. Его намерение было сделаться незаметным образом патриархом. Для этой цели он сделал в Синоде, и притом со внесением в протокол, следующее предложение: председатель теперь умер, император был тиран... императрица не может противостоять церкви, а следовательно дошла теперь до него очередь сделаться председателем Синода». Дальше –

похвалы верноподданническим чувствам Синода, конечно же с негодованием отвергнутого притязания архиепископа, заверения в преданности синодальных членов Екатерине («чем был император, тем теперь же императрица»). В заключение приписка, что Новгородский уже в крепости, раскаивается в своем поступке, но, надо надеяться (почему надо?), прощения не получит. Да и какая надежда, когда только что говоривший подобные речи солдат лишился головы.

Бунт в Синоде или церковь, наконец-то дождавшаяся смерти Петра, – это ли не событие в государственной жизни! И конечно же опытный дипломат прав: сколько за всем этим счетов и расчетов придворных партий, политических и личных интриг. Самому Мардефельду, например, важно подчеркнуть – с Екатериной все в порядке, возмущения против нее нет, правительство решительно справляется с бунтовщиками и, значит, за столь важный для Пруссии брак старшей дочери Петра с герцогом Голштинским можно не беспокоиться. Здесь все понятно. А вот почему хранят молчание другие дипломаты? Все без исключения. Молчат и современники в скупой и редкой личной переписке. Свои расчеты? Несомненно, как и свои опасения. Лишнее слово – всегда опасное слово. И не только для дипломата. Ведь еще при жизни Петра, по донесению французского консула Лави, под страхом наказания был запрещен разговор шепотом между придворными. Тем более следовало остерегаться в таком важном деле. Но уж кто не мог промолчать, это Синод. Тем более не мог, что не часто случается такая возможность проявить свои верноподданнические чувства, откровенно выслужиться перед царствующей особой. В его протоколах все

должно быть освещено с должной полнотой и красноречием. Ничуть не бывало! Нет красноречия, но нет и подробностей, описанных прусским дипломатом.

Да, было заседание – совпадают числа и в общем тема разговора. Да, было выступление Федоса о том, как его именовать, – не вице-президентом Синода, а, подобно всем остальным, синодальным членом с перечислением должностей: архиепископ Новгородский, архимандрит Александро-Невский, иначе настоятель будущей знаменитой петербургской лавры. Да, и был отказ присутствующих удовлетворить его желание – за отсутствием на заседании старших синодальных членов младшие не решились нарушить существовавший порядок. И это все. Эдакое легкое бюрократическое замешательство, за которым если и скрывались свои расчеты, то никак не выраженные в словах.

Правда, оставался приговор, справедливый или несправедливый, во всяком случае высказавшийся, в каких же злоумышлениях обвинялся Федос. И вот, оказывается, до всеобщего сведения под барабанный бой доводилось, что Федос когда-то воспользовался церковной утварью и «распиловал» без причины какой-то образ Николы, что где-то и когда-то неуважительно отзывался об «императорском величестве» и еще «весь русский народ называл идолопоклонниками за поклонение святым иконам». Не убедительно? По меньшей мере, особенно если иметь в виду пресловутое желание Федоса объявить себя главой церкви.

Но ведь в приговор могли войти отдельные, старательно отобранные пункты. Полный смысл обвинения скрывался, не

сомненно, в следственном деле – в архивах Тайной канцелярии. Какими бы путями ни рождалось дело, свое оформление оно получило в ее стенах. Это было очевидно из всех событий ссылки и смерти Федоса, тем не менее никакого дела чернеца Федоса здесь не числилось. Ни на сегодняшний день, ни сто с лишним лет назад, когда архив впервые стал предметом изучения историков.

Одна из неизбежных во времени потерь? Но в таком случае почему затерявшееся дело не оставило по себе никаких следов – ни в делопроизводстве, ни в регистрационных реестрах? И как объясняли это чудесное исчезновение историка прошлого века – они-то сразу зафиксировали непонятный пробел? Да никак. Просто имя Феодосия не вошло ни в один из справочников, энциклопедий или исторических словарей дореволюционных лет. Куда меньшие по роли и сану церковники удостоились стать предметом исследований, только не Федос. И это при том, что в общих исторических трудах о петровских годах он главное действующее лицо. Его имя не обходят, но всегда называют с категоричной и однообразной оценкой – консерватор под стать протопопу Аввакуму, всеми своими направленными на дискредитацию царской власти действиями и неумным честолюбием заслуживший постигшее его наказание. Один из историков не пожалел даже специального очерка, чтобы доказать благодетельную жестокость тайного сыска в отношении зарвавшегося монаха. Факты? Их, по сути, нет. Чуть больше, чем вошло в официальное перечисление приговора. Справедливость осуждения не доказывалась – она утверждалась: верьте на слово.

Верить на слово... А не начинали ли пробелы, недомолвки, прямые утраты документов вместе с безапелляционной оценкой Федоса напоминать своеобразную систему? Что-то вокруг Федоса при жизни, да и после смерти, происходило, и это что-то упорно уклонялось от встречи с фактами.

ПИСЬМА

«Христоподражательный царь,
Известная тебе тварь
Новгород Хутын монастыря бывший келарь
Венедикт Баранов
Жил в монастыре многие годы
И, не радея обители, собирал себе великие доходы...»

Складный разбитной говорок скоморохов? Кому, как не им, нипочем даже церковные власти. Нет, письмо. Деловое, спешное. 1704 год. Новгород. Игумен одного из самых почитаемых монастырей пишет самому Петру. И этот игумен – Федос. Разве не понять негодования истового церковника, что слышать ему приходилось от Федоса слова, не подобающие сану – благоговейные, «но многочаши досадная, бесчестная и наглая, мужицкая, поселянская, дурацкая». Только все может быть и иначе. «Поздравляю ваше величество с пользою вашего здравия и вашим тезоименитством и молодого хозяина Санкт-Петербургского (царевича Петра Петровича. – Н. М.). При сем доношу вашему величеству: сестра ваша государыня царевна Мария Алексеевна в пользовании своего здравия пребывает в добром

состоянии... ей-ей докучно в яме жить и гораздо хочется петрова пути итти по водам, которого нынешнего лета еще не обновил...» 1716 год. Карлсбад. Федос лечится знаменитыми водами и ждет возможности пуститься с Петром в морское плавание. Витиеватым, исполненным придворного «политеса» строкам впопору позавидовать любому царедворцу.

Стремительный разворот лет... Скучная смоленская земля. 10 рублей царского жалованья, два крестьянских двора, четверо сыновей – все, что нашла перепись 1680 года у рейтара Михайлы Яновского. Шляхтич по званию, солдат по профессии. Такому месту послушника да еще в московском Симоновом монастыре – уже удача. Дальше Федор мог сам думать о себе. И вот занятия в Заиконоспасском монастыре, гуманитарной академии тех лет, злоба симоновского игумена – не терпел книжной науки – и жалоба Федора самому патриарху: слишком дорожил он, уже ставший чернецом Федосом, этой наукой. Но для патриарха каждый жалобщик – бунтарь, и закованный в «железа»-кандалы Федос на работах в Троице-Сергиевом монастыре. Кто знает, как наказание обернулось удачей. Одни говорили, что помог одногодок и земляк, сын такого же рейтара Меншиков, но это лишь одна из версий происхождения «Алексашки». Другие – игумен Троице-Сергиева монастыря, будущий высокий церковник. Главное – происходит знакомство и близость с Петром. А к 1716 году Федос уже давно с ним неразлучен.

Организация новозавоеванных земель у Петербурга, школы, больницы, строительство первого в столице на Неве, Александрово-Невского, монастыря – какой там Федос монах, скорее

администратор, привычный ко всем тонкостям государственной машины. Церковникам бесполезно показывать над ним свою власть – окрик Петра не оставляет сомнений: Федосом будет распоряжаться он сам. И за спиной злобный шепоток царевича Алексея: «Разве-де за то его батюшка любит, что он заносит в народ люторские обычаи и разрешает на вся». А что сделаешь? Только и можно себе позволить, что «сочинить к его лицу» и спеть потихоньку, среди своих, стихи «Враг креста Христова». Да бывший учитель царевича Никифор Вяземский прибавит от себя: «я бы-де пять рублей дал певчим то пропеть для того, что он икон не почитает».

Но Федосу, как и Петру, все видится иначе. За магией «чудес» и «чудотворных» икон – язычество, слепота невежества, которые надо преодолеть. Скорее, любой ценой. Жестокостью. Насилием. Ломкой самых дорогих и привычных представлений. В Москве Федос принимает голштинского посла. Свита долго будет вспоминать, чего стоили одни вина – «шампанские, бургундские и рейнвейн, каких нет почти ни у кого из здешних вельмож, за исключением Меншикова», прогулка по Кремлю – Федос сам возьмется быть проводником – и случай с мощами. Федос берет их в руки, передает для осмотра гостям. Такое свободомыслие даже немецким придворным показалось кощунством. Или зазвонили «сами собой» в Новгороде колокола, Петр посылает для расследования именно Федоса. В его ответе ни тени колебания: «При сем доношу вашему величеству про гудение новгородское в церквях, про которое донесено вам... И ежели оно не натурально и не от злохитрого человека ухищрения, то не от бога».

И только терпения Федосу всегда не хватает в отношении сомневающих, ошибающихся, будь то раскольники, не одолевшие книжной премудрости полунищие попы или и вовсе родители малолетних детей, которым предстоит обучаться грамоте. Федос требует от Сената, чтобы законодательным порядком, под страхом наказания запретить отдавать детей неграмотным учителям: чтоб «невежд до такого учения, которое, яко невежеское, не полезность есть, допускать не велено, и весьма им в том запрещено». Даже Петру это кажется невозможным – слишком круто. Федос настаивает: в одной греко-славянской школе Новгорода подготовлено 500 новых учителей, переделана сообразно живому языку грамматика, и он сам добился ее издания в типографии своего Александро-Невского монастыря. 1200 экземпляров – это массовый тираж тех лет. И придется задуманные Петром цифирные школы слить с грамматическими школами Новгорода – лучшей основы трудно придумать.

Действовать, все время действовать. Кажется, не будет конца замыслам, нововведениям, реформам. Дела церковные давно переплелись с государственными, а государство сделало церковь своей частью. Секретная почта от Петра к Федосу и от Федоса к Петру отправляется беспрестанно, стоит им разъехаться на больший срок. И в самом напряжении дел болезнь Петра. Сначала неважная, будто простуда, пересиленная горячка, недолгое выздоровление, опять ухудшение, с каждым разом дольше, острее. И когда уже ясно – выхода нет, Федос неотлучно при дворе. Последние дни и минуты рядом с Петром.

АСПИДНАЯ ДОСКА

1725 год. На исходе январь. Все во дворце. Ждут. Надеются. Каждый – на свой исход. Молчат... Новый приступ болей. Крики больного слышны на улице. Петр требует аспидную доску. Пробует написать: «Все отдать...», рука бессильно царапает каракули. Зовет старшую дочь. За ней идут. Анна приходит слишком поздно: началась агония. Еще полтора суток без мысли и слова. А за закрытыми дверями опустевшей спальни – хватит здесь теперь и одних попов! – начинается совет. Минута смерти – много ли она значит по сравнению с решением, кто поднимется на престол.

27 января. Кабинет-секретарь Алексей Макаров – графу Андрею Матвееву: «Против сего числа в 5 часу пополуночи грех ради наших его императорское величество, по двенадцатой жестокой болезни, от сего временного жития в вечное блаженство отыде. Ах, боже мой! Как сие чувственно нам бедным и о том уже не распространяю, ибо сами со временем еще более рассудите, нежели я теперь в такой нечаянной горести пишу. Того для приложите свой труд для сего нечаянного дела о свободе бедных колодников, которых я чаю по приказам, а наипаче в полицмейстерской канцелярии есть набито».

С чего начинать? Завещание – Макаров торопится с ответом: было, но уничтожено. Нового Петр не успел написать. Значит, нет, значит, право свободного выбора. И тут стремительно вмешивается Меншиков: Екатерина! Само собой разумеется, Екатерина! Разве не для того короновал ее Петр год на зад, разве не означало это желания видеть после себя на престо-

ле именно ее. Министры молчат. Они-то знают, что это означало другое.

Конец царевича Алексея не был концом ненавистного Петру лопухинского рода. Здравствовала пусть и постриженная в монахини царица Евдокия. Росли дети Алексея – Петр и Наталья. А раз к тому же умер сын Екатерины, «маленький хозяин Санкт-Петербургский» трехлетний Петр, надо было закрепить права за дочерьми. Коронация матери утверждала их положение, не оставляла сомнений в первенстве. Об этом говорила секретная переписка царя с Федосом, которому предстояло совершать торжественный обряд. А говорить о желаниях Петра относительно Екатерины после слишком сомнительного для ее репутации жены и императрицы дела Виллима Монса было и вовсе трудно. Зато всем известны планы Петра, связанные с его любимицей, Анной Петровной. Они учитывались и при решении ее брака.

Но Меншиков настаивает, приводит доказательства – слова, сказанные Петром в доме какого-то английского купца. Его поддерживает П. А. Толстой. И разве нечего добавить Федосу? Ведь это он был все время рядом с Петром. Видно, нечего. Ни на что не сославшись, Федос лично от себя поддерживает Екатерину. Еще натиск, еще усилие, появление в дворцовых комнатах преображенных солдат, и победа за Меншиковым, за послушной ему во всем новоявленной императрицей.

Нет, этот расклад событий не назовешь точным. Очевидцы расходятся в подробностях, современники – в их толкованиях. Для одних здесь крылась победа, для других поражение, третьим оставалось выжидать дальнейших событий. Как доказать,

что завещания действительно не существовало и его уничтожил сам Петр? Где доказательства, что Петру не хватило сил дописать начатое на аспидной доске, – так ли трудно стереть с нее лишнее? И почему, наконец, ни словом не обмолвился Федос? Он первым выступал за лишение престола царевича Алексея – Алексей будто предугадывал это в своей ненависти. С ним советовался Петр по делу Евдокии Лопухиной – какими винами окончательно ее добить. Федосу он поручал наблюдение за дочерьми, отправляясь в далекий Персидский поход. С ним обсуждал подробности коронации Екатерины. Не духовник – гораздо важнее – доверенное лицо, соратник и безотказный исполнитель. И так-таки никаких подробностей о последней воле Петра?

А потом начинается смещение, на первых порах легкое, почти неуловимое. В Синоде Федос отказывает тем сановникам, просьбы которых прежде непременно бы уважил. П. Я. Ягужинский просит отослать в отдаленный монастырь свою жену. Из близкого к Москве, куда он ее заключил, ей удавалось бежать. Федос дает согласие на далекий север, но Ягужинский во всем должен ее содержать сам: еда, одежда, жилье, даже охрана. Справедливо, но ведь так о существовании супруги уже не забудешь. Федос больше не собирается быть слепым исполнителем приказов Тайной канцелярии. Чтобы снять с духовного лица сан, согласиться на чью-то ссылку в монастырь, Синод должен знать о причине. Тут и авторитет учреждения, и возможность самому следить за ходом особо важных государственных дел. А это оказывается для Федоса крайне важным.

Ранним утром он едет в карете мимо окон царского дворца. В эти часы проезд здесь всегда запрещен, часовые останавливают лошадей. Взбешенный Федос направляется во дворец, требует немедленного разговора с Екатериной. Ах, она еще спит, но тогда он больше сюда никогда не придет. Заведомые преувеличения современников? Несомненно. Но верно и то, что Федос вдруг почувствовал власть и захотел показать ее лишней раз царице. И дело не в сани, а лично в нем, Федосе.

Екатерина не раздражается законным монаршим гневом. Внешне все проходит незамеченным, но спустя два дня Федос в стенах Тайной канцелярии – в глубокой тайне подготовлен и осуществлен его арест. Как можно меньше огласки, свидетелей, а главное – контактов Федоса с кем бы то ни было. Лишь бы кругом него пустота и молчание.

ЦЕНА ЖИЗНИ – ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Иностранные дипломаты готовы обвинить Федоса, что поддержка им Екатерины в момент избрания на царство была куплена за высокую цену. И небольшое, между строк, уточнение – Екатерина то ли покупала, то ли откупалась. Откупалась? Но тогда понятен ее страх перед Федосом, его самоуверенность и на первый взгляд необъяснимые права. Чего стоит одна его фраза о Екатерине, услужливо сообщенная тайному сыску Феофаном Прокоповичем: «Будет еще трусить, мало только подождать».

О чем-то Федос промолчал, но ведь в любую минуту мог и нарушить молчание – и тогда... Нет, нет, только не это! Меры предосторожности говорят сами за себя: речь шла о главном –

о власти. Да и так ли важно, кого именно имел в виду, назвал или даже написал Петр. Руками Екатерины Меншиков борется со всеми, у кого была хоть тень прав. Анна Петровна – ее срочно венчают с герцогом Голштинским и чуть не насильно выпроваживают из России. Евдокия Лопухина неожиданно вырастает в государственную преступницу. Из места ссылки ее переводят для строжайшего заключения в Шлиссельбургскую крепость под охраной в 200 человек. В недрах Тайной канцелярии усиленно ведется следствие о бродячем монахе-капуцине Питере Хризологе, объявившемся в России, чтобы передать сыну царевича Алексея поклон от тетки, императрицы Римской империи. Кого бы ни называл своим наследником Петр, он называл не Екатерину, и в этом главная опасность: нарушение его воли – незаконная узурпация престола. Последствия подобного обвинения целиком зависели от ловкости и политических связей тех, кто захотел бы его выдвинуть. Чувствовать себя уверенно Екатерина во всяком случае не могла.

Следствие в Тайной канцелярии... Допросы, пытка дыбой, раскаленным железом, всеми ухищреннейшими пытками средних веков: надо было заставить говорить, прежде всего говорить, пусть в бреду боли и отчаяния человек становился готовым к любой лжи. Разве так часто дело заключалось в правде? Тем более с Федосом. Его вообще не допрашивают, даже проверенным и довереннейшим следователям с ним не дают говорить. Якобы состоявшееся следствие – без следов протоколов! – поспешно набросанный приговор, где только туманным намеком неуважение к императрице, и отправка из Петербурга, к тому же вначале почти пышная.

Федосу разрешается забрать с собой все, что нужно для удобного житья, множество одежды, дорогую утварь, провизию, целую библиотеку книг. Временная почетная ссылка – не больше. На пути у Шлиссельбурга его догоняет нарочный с ящиком дорогого вина от самого Ушакова, но и с приказом произвести полный обыск. А там под разными предложениями на каждом перегоне становилось все меньше спутников, все меньше личных вещей. Где было догадаться Федосу, что в Корельском монастыре уже побывал капитан Преображенского полка Пырин с приказом приготовить «особую» тюрьму, а если в монастыре не окажется стен, то возвести вокруг него для охраны одного Федоса целое укрепление – острог! Но стены оказались достаточными, и Пырин удовлетворился тем, что из четырех монастырских ворот заложил трое – «для крепкого караулу». Снятые им специальные чертежи и планы одобрил царский Кабинет. Федос не должен был выйти отсюда.

Но вот дело Федоса – если бы его удалось замкнуть монастырскими стенами! Почем знать, с кем он мог в свое время в Петербурге или Москве говорить, откровенничать. Тут для выяснения не избежать участия и помощи Тайного сыска. Архиерей Варлаам Овсянников? Не успев появиться, его дело указом Екатерины будет передано лично Меншикову (не постигла ли та же судьба и исчезнувшее дело Федоса?), а сам Варлаам исчезнет в недрах Тайной канцелярии. Личный секретарь Федоса Герасим Семенов? С ним еще проще.

...Кронверк Петропавловской крепости. Брезжущий полусвет раннего сентябрьского утра. Сомкнутые штыки сорока преображенцев. Равнодушные и торопливые слова приговора:

«Герасим Семенов! Слышал ты от бывшего архиерея Феодосия и Варлаама Овсянникова про их императорское величество злохулительные слова... и сам с Федосом к оному приличное говаривал и ему рассуждал, и имел ты, Герасим, с ним, Федосом, на все Российское государство зловредительный умысел и во всем том ему, плуту Федосу, был ты, Герасим, собеседник... За те твои важные государственные вины ее императорское величество указала тебе, Герасиму, учинить смертную казнь...» Знак самого Ушакова, и под взмахом топора голова падает на плаху. Потом ее поднимут там же на каменный столб, подписав внизу на жестяной доске вины казненного. Напишут для всеобщего сведения и устрашения, но когда некий артиллерии капитан пошлет своего копииста списать приговор, ретивого копииста не только и близко не подпустят к столбу, но сам он окажется на допросе в Тайной канцелярии – откуда взялось его любопытство и не крылся ли за ним неизвестный умысел.

Среди личных бумаг Федоса оказывается письмо, полученное им вскоре после смерти Петра. Пожелавший остаться неизвестным автор предупреждал Федоса, что граф Андрей Матвеев распускает о нем неблагоприятные слухи. Ссылаясь на свидетельство собственной жены, говорит, будто Федос на похоронах Петра смеялся над Екатериной, «когда она, государыня, в крайней своей горести, любезного своего государя мужа ручку целовала и слезами оплакивала». Сомневаться в правдоподобности слов Матвеева нет оснований. Но Екатерине важно другое: не было ли сказано Федосом еще что-то, не объяснял ли он причины своих издевок. И вот одного за другим расспрашивают – не допрашивают! – всех, кто присутствовал при упомя-

нутом разговоре. Расспрашивает, приезжая к каждому домой, начальник Тайной канцелярии и тут же берет подписку о неразглашении. Да еще остается автор письма, неизвестный и тем более опасный. Он мог знать гораздо больше, чем писал, мог делиться тем, что знал, с другими. А вот эти другие, как их искать? Под замком оказывается дом некой вдовы Шустовой, между Арбатом и Никитской, спешно выехавшей со всеми чадами и домочадцами в Нижний Новгород. Уволен и исчез поверенный в делах имеретинской царевны Дарьи Арчиловны, и царевна отказывается дать сведения о нем. И сколько их еще таких, скрытых и скрывшихся свидетелей!

Федоса нужно убрать, но его нельзя казнить. Это равносильно публичному признанию, как много он знает: слишком свежа в памяти его близость с Петром. Другое дело – его секретарь. Людей простого сословия казнили и куда за меньшие вины.

Даже со ссылкой приходится принимать меры предосторожности – чтобы все выглядело благопристойно, без спешки. А уж там, вдалеке от столицы и тысяч настороженных глаз, вступит в действие другая инструкция, которая должна привести к нужному исходу – к смерти. В ожидании ее остается добиться, чтобы ни одно слово Федоса не было – не могло быть услышано. Отсюда «неисходная тюрьма», заложенное до щели окно подземелья, опечатанная дверь. Зато после смерти Федоса стоило привезти в Петербург – похоронить ли с некоторыми почестями, показать ли, что смерть наступила без насилия, – отсюда спешный осмотр в пути, и во всяком случае убедиться, что не стало именно его. Не произошло подмены, обмана.

Теперь трудно с уверенностью сказать, что изменило первое решение. Может быть, его приняла сама Екатерина, без советчиков, решивших от него отказаться. Зачем поднимать старую историю, напоминать о судьбе Федоса. А вид истерзанного голодом и лишениями тела мог сказать о худшем виде насилия, чем простое убийство. И вот приходит второе решение – похоронить. Все равно где, все равно как, лишь бы поскорее. Цена лжи, ставшая ценой жизни, теперь была Федосом выплачена сполна.

Только вот смысл лжи – как судить о нем с перспективы прошедших веков? Екатерина – ей оставалось пробыть на престоле каких-нибудь тринадцать с половиной месяцев. Меншиков не на много дольше сумеет удержаться у власти. Правда, он добивается от «самодержицы» всех возможных гарантий: завещания в пользу сына Петра царевича Алексея и согласие на обручение с ним, 12-летним ребенком, своей взрослой дочери, отныне «государыни-невесты». Но появятся новые фавориты, и через четыре месяца после смерти Екатерины Меншиков как государственный преступник будет сослан в Березов, чтобы там найти свой конец. А 84-летний Петр Андреевич Толстой, неожиданно решивший воспротивиться честолюбивым планам «Алексашки»! Ссылку Толстого в Соловецкий монастырь решили еще совместно Меншиков и Екатерина. Возраст, заслуги по тайному сыску – ничто не было принято во внимание, не облегчило его участи. Впрочем, и его не стало в 1729 году.

Зато осталась память о Федосе, человеке, знавшем обстоятельства прихода к власти «самодержицы всероссийской». И как же многому он мешал: красивой легенде о преданной суп-

руге и верной продолжательнице петровских начинаний, всей своей жизнью заслужившей право на царский венец, но и утверждению законности прихода на престол ее потомков. Кому бы могла понравиться подобная история в царствующем доме, и это хорошо усвоили официальные историки. Чернец Федос был оставлен человеком без оправдания, заслужившим свой конец и молчание исследователей.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Дом был самый обыкновенный. Грузноватый, мрачный, с однообразными рядами глубоко запавших окон. Обычный доходный дом конца прошлого века. Молодые липки протянувшегося посередине улицы бульвара казались рядом с ним какими-то очень неуверенными и робкими, весенняя зелень травы не такой яркой.

День подходил к концу, спешить было некуда, и в медленно разливающихся сумерках ленинградской ночи взгляд бездумно следил за загоравшимися огнями: одно окно, другое, два сразу, и вдруг...

Под самый потолок, без единого просвета, стена в картинах, больших и маленьких, в рамах и без рам. Живопись в квартирах можно встретить разную, но это были портреты, и даже с расстояния второго этажа не возникало сомнения – русские, XVIII – самого начала XIX века. Где там бороться с искушением!

Подъезд, широкая лестница, и только когда за тяжелой исцарапанной дверью, разукрашенной бесчисленными фамилиями, раздались торопливые шаги, в голове судорожно мелькнула мысль: с чего начать? Но дверь, натужно охая, уже приоткрылась. Впереди чернел бесконечный коридор, сундуки, допотопные баулы, чемоданы, посеревшие от времени портьеры, телефон на стене – и звучный голос: «Вы к кому?» Этого-то

как раз я и не знала, но первая попытка объясниться оказалась удачной – передо мной стоял хозяин комнаты с картинами.

Непривычным здесь было все. После душного коридора предвоенной коммунальной квартиры комната с потолком в кессонах густо почерневшего дуба, огромные растворы окон и картины – на всех стенах, от потолка до нагроможденной почти без проходов мебели: диваны, столики, креслица, ширмы, даже раствор камина, куда пыталась скрыться пара длинноногих застенчивых котов.

«Ах, вы историк искусства? Очень приятно. Я сам актер, так что в некотором роде коллеги. Простите, а вы представляете себе, где находитесь?» Кроме подсмотренного окна, я ничего не знала. «В доме и кабинете Вейнера, того самого, из «Старых годов».

Вейнер? Для искусствоведа всякие пояснения излишни. «Старые годы» – это, пожалуй, лучший из издававшихся в России непосредственно перед революцией журналов по искусству. Неполных десять лет, в течение которых он выходил, составили своеобразный этап в развитии нашего искусствознания. Искусство самых разнообразных эпох и профилей: русское, древнерусское, западное, восточное, живопись, скульптура, фарфор, миниатюры, ковры, фрески – и при этом великолепные иллюстрации и обязательная архивная основа. «Старые годы» давно стали той энциклопедией, без которой не обойтись ни одному историку искусства. И значит, здесь, в этом бывшем кабинете, он делался! Конечно, интересно. Но профессиональные, не лишённые налета сентиментальности эмоции не могли противостоять впечатлению от картин. Сколько же их здесь было!

«Должен вам сказать, интересуют меня исключительно портреты. Главное, чтобы знать, с кого. Художник – это, конечно, очень хорошо, но вот имя изображенного и вовсе, знаете ли, увлекательно». В ход пошли папки с вырезками из газет, старинных журналов, гравюры, открытки – иконография людей разных и всяких. Но глаза не могли оторваться от стен.

Среди полотен, разных по художественным достоинствам, эпохам, мастерству – от старых и новых копий, почти лубков до настоящей, как говорят профессионалы, классной живописи, – два сразу приковывали к себе взгляд. На обоих – молодые мужчины в небольших, густо пудренных париках, бархатных камзолах, пестрых атласных жилетах с кружевными жабо и черными бантами галстуков по моде 60-х годов XVIII столетия. Изображения, близкие друг другу и совершенно разные.

Мой хозяин был в полном восторге. Эти два? Да это целая история, да еще какая увлекательная!

Любитель летних путешествий по самым тихим уголкам среднерусской полосы, оказался он как-то неподалеку от Великих Лук и в одном доме увидел эти два холста. Может, сама живопись и не слишком привлекла бы его, но вот надписи на картинах и рассказ старушек владелиц лишили человека сна. Портреты не продавались – старушки были потомками одного из изображенных на них лиц, и только после очень долгих и сложных дипломатических переговоров ленинградский актер стал обладателем полотен. И теперь его переполняла гордость за правильно сделанный выбор: мой интерес служил лишним и неоспоримым тому доказательством.

Юноша, почти подросток, в неожиданно порывистом по-

вороте худощавой фигурки, с пристальным и чуть недоуменным взглядом черных глаз под высоким разлетом бровей. «Креницын Савва Иванович, похороненный в селе Мишино Московской губернии», – гласила надпись на обороте холста.

И другой портрет – плотная, коренастая фигура, уверенная посадка головы, лицо очень бледное, вытянутое, с крупными грубоватыми чертами, открытый, доброжелательный взгляд. Возраст, даже, скорее, характер был совсем иным. Но вот на обороте именно этого холста стояло: «Портрет друга моего Андрея Ивановича Васильева писал живописец Мина Колокольников сей знак памяти сохраняет у себя Савва Креницын 1760 году».

Мина Колокольников – в это просто не хватало смелости поверить. Рядом с ним романтическая дружба Саввы Креницына и Андрея Васильева, необычная история их портретов, все подробности, которыми торопился поделиться хозяин, – все уходило на задний план.

Каждому, кто хоть немного интересовался русским искусством, знакомо имя Алексея Петровича Антропова. Крупные румяные лица, похожие на вишни живые глаза, яркое сочетание цветов в точно и «вкусно» написанном платье, характеры прямые, открытые, веселые, часто задорные – таким изображается на антроповских портретах человек середины XVIII века. Был Антропов учеником Андрея Матвеева, служил живописцем в Канцелярии от строений, расписывал по ее заказу Андреевский собор в Киеве, а позже перешел главным художником в Синод. Трудно сказать, что в большей степени повлияло на решение живописца уйти из Канцелярии. Может, долгие нела-

ды с начальством, может, материальная необеспеченность, может, желание большей независимости. Как бы там ни было, в полной мере надежды Антропова не оправдались. На его пути постоянно оказывался все тот же соперник – Мина Колокольников.

Уже одного этого достаточно, чтобы обратить внимание на художника. Ржевский крестьянин, он был учеником самого Ивана Никитина. Мина Колокольников был вообще достаточно популярным мастером. Приехав из Москвы, он числился в Петербурге «вольным живописцем» и, значит, хватало ему заказов, чтобы не связывать себя с определенным учреждением. Тем не менее его постоянно вызывали на различные живописные работы во дворцах. Руководил он выполнением плафонов в Большом Царскосельском дворце, сотнями писал образа для всех придворных церквей, имел учеников, собственных и специально присылавшихся из Канцелярии от строений, брал заказы на портреты. Обо всем этом давно рассказали архивные документы. Вот только не была еще известна историкам ни одна работа Колокольникова. Ни одна – передо мной была первая!

И, глядя на портрет «друга моего Андрея Ивановича Васильева», сберегавшийся черноглазым Саввой Креницыным, становилось понятным, как нелегко давалось Антропову соперничество с «вольным» петербургским живописцем. Был Колокольников художником мастеровитым, добросовестным, способным и на точное определение характера своей модели, и на звучное цветовое решение, разве что, может быть, менее темпераментным, более сдержанным.

Теперь предстояла работа, долгая, кропотливая, чтобы

подготовить портрет к научной публикации, и как же могли здесь пригодиться хотя бы самые краткие, самые скудные сведения об изображенном лице! Но в многолетних столкновениях с разнообразнейшими материалами по русскому XVIII веку имена Андрея Васильева и Саввы Креницына мне определенно не встречались. Зато все более настойчивой становилась другого рода ассоциация.

Портрет Саввы Креницына казался странно знакомым – живостью позы, почти детским выражением лица, напряженного и чуть недоуменного, цветовыми сочетаниями, мягкостью скользящих, ласковых мазков. На память невольно приходили портреты, и прежде всего детские портреты, не столько забытого, сколько всегда пропускаемого историками художника Кирилы Ивановича Головачевского. А ведь это целая история, местами очень обыкновенная, местами трагическая.

Мальчик, привезенный с Украины в столицу, чтобы петь в придворном хоре, – в XVIII веке, и особенно при Елизавете Петровне, юных певцов вообще разыскивали только в тех краях. Без семьи и родных, все детство как в казарме. Кирила пел, пока юношей «не спал с голосу». Теперь надо было самому заботиться о своей дальнейшей судьбе, хотя придворное ведомство и не отказывало в содействии бывшим певчим. Вместе с Антоном Лосенко он выразил желание учиться живописи и был направлен к пользовавшемуся большой известностью Ивану Аргунову – специальных художественных училищ в России еще не существовало.

Несколькими годами позже торжественно открывается Академия трех знатнейших художеств в Петербурге. Голова-

чевский становится ее учеником и почти сразу преподавателем. Бывший певчий оказывается не только мастеровитым художником, способным учить молодежь, но и культурнейшим человеком. В его руках постепенно сосредоточивается руководство огромными художественными собраниями Академии, ее библиотекой, казной. Он назначается инспектором – наблюдает за воспитанием будущих художников и одновременно ведет один из наиболее ответственных специальных классов живописи – портретный.

Удар оказался тем более тяжелым, что его никак нельзя было ожидать. После десяти лет безукоризненной службы Головачевский лишается одновременно всех своих должностей и увольняется из Академии. Единственный повод, выдвинутый администрацией, – незнание художником иностранных языков. «Одним словом, человек, не имевший начальных оснований для воспитания юношества и не пользующийся чтением иностранных книг, до того касающихся, не может быть способен к столь трудной и весьма нужнейшей для Академии должности». На месте Головачевского оказался заезжий француз и без определенной специальности и без знания, на этот раз, русского языка.

Но случилось невероятное. Входящие в совет Академии художеств художники не согласились с мнением администрации. Они отстаивали Головачевского именно как воспитателя, умного, доброго, отзывчивого, одним из первых среди русских педагогов задумывавшегося над теорией воспитания молодежи.

Конечно, Головачевский остался и художником, не отка-

звался от отдельных заказов только откуда было брать на них время? И когда в 1823 году его не стало, правление Академии, отмечая шестидесятипятилетнюю службу художника, вынуждено было признать, что он «оставил после себя не более 15 рублей наличных денег, так что нечем было даже его похоронить». Признательность Академии выразилась просто – выдана была «на приличное его званию погребение тысяча рублей».

Такова канва его жизни, а работы... Их мало, очень мало. Два чудесных портрета детей Матюшкиных в Третьяковской галерее – шестилетний малыш в мундирчике и девочка постарше, наряженная в «взрослое» модное платье тех лет. Оба чуть застывшие от непривычности позы, одежды и вместе с тем такие непосредственные в своей детскости – редкий для портретиста дар. Были они написаны в Москве в 1763 году и несут обстоятельнейшую подпись художника. Кстати, и это тоже существенно, размер их точно совпадает с размером портрета Креницына. Обычно каждый художник придерживался своего излюбленного размера, особенно в определенный период творчества. А здесь разница во времени составляет от силы два-три года.

То, что портрет Креницына не имел авторской подписи, само по себе не могло поставить под сомнение авторство Головачевского. Среди сохранившихся работ художника есть и подписные и неподписные – в XVIII веке этому вообще не придавалось большого значения. Портреты такого прославленного мастера, как Рокотов, почти все лишены подписи автора. Значит, работать предстояло над обоими портретами.

Не зная даже приблизительно, где жили оба друга, какого

рода деятельностью могли заниматься, с какими людьми общались, с достаточной уверенностью можно было определить одно – их принадлежность к дворянству. Тем более что и нынешний владелец портретов вспоминал об имени Саввы Креницына, где тот якобы и похоронен.

Конечно, существовали общие списки дворянства, но как искать по ним безо всяких дополнительных указаний и уточнений Андрея Ивановича Васильева – имя, такое распространенное, собственно «никакое». Лучше обстояло дело с Саввой Креницыным – сочетание имени и фамилии было достаточно редким, если не единственным в своем роде. Но опять-таки списки дворянства не имели вида некой энциклопедии. Существовали родословные книги, охватывавшие наиболее родовитые семьи, – к ним Креницын не принадлежал, существовали списки по губерниям. Указание на губернию было просто необходимо.

Мой новый знакомый не только со слов бывших владельцев портрета утверждал, что Савва Креницын похоронен в селе Мишине Московской губернии. Он сам побывал в этом селе, расположенном неподалеку от Великих Лук, и даже видел надгробную плиту. Правда, Великие Луки ни по какому территориальному признаку и делению никогда не относились к Московской губернии. В XVIII веке их включили в Псковское наместничество, вскоре превратившееся в губернию. И хотя ни на одной из карт Псковщины, которые удалось просмотреть за те отдаленные годы, села Мишина не значилось, начинать, по видимому, следовало с псковского дворянства.

«Список дворянству Псковского наместничества... в де-

кабре месяце 1777 год», «Дела Псковской провинциальной канцелярии», «Псковский некрополь», многие другие местные издания – да, Креницыны здесь были. Богатые помещики, одни из самых богатых, владельцы нескольких имений. Из них особенно славилось богатством и удобствами Цевлово, расположенное в живописных окрестностях озера Дубец. Хозяином его и был Савва Иванович Креницын. Отличался он восторженным романтическим характером, много читал, свидетельством чему стала собранная им великолепная по тем временам библиотека, увлекался музыкой и имел не только собственный оркестр из крепостных музыкантов – среди богатых помещиков это редкостью не было, – но даже специально посылал крепостного капельмейстера обучаться за границу.

Слишком независимый в суждениях, непокладистый в отношении начальства, Креницын избегал Петербурга, предпочитая ему деревню и, в крайнем случае, Москву. Здесь среди его добрых знакомых был Дмитрий Матюшкин, чьих детей в 1763 году писал Головачевский. Друзья легко могли порекомендовать друг другу понравившегося художника. Но для биографии Головачевского было важно то, что живописец уже в эти ранние годы пользовался популярностью и, будучи на службе связан с Петербургом, приезжал работать в Москву. По-видимому, именно в Москве и написан портрет Саввы Креницына.

Но по мере того как медленно собирались эти скудные сведения, разбросанные во времени, из разных источников, в различной связи, внимание невольно начинало фиксироваться на том не слишком обычном обстоятельстве, что все это происхо-

дило в непосредственной близости от Михайловского и Тригорского, иначе – пушкинских мест. Да и среди имен местного дворянства в конце XVIII века все чаще мелькает имя Ганнибалов, а за рубежом нового столетия – и Пушкиных. Тоже псковские помещики, тоже владельцы местных имений, больших или меньших, богатых или разоренных. Но в таком случае на помощь могло прийти пушкиноведение. Известно, что эта обширная и всесторонне разработанная часть литературоведения интересовалась всеми, кто так или иначе, раньше или позже сталкивался или попросту оказывался рядом с великим поэтом. Путь окольный, но казавшийся многообещающим.

...В могучем развороте Невы у стрелки Биржи все делится на свет и тень. Первый же луч блеклого ленинградского солнца заливаает Университетскую набережную, начинает крошиться в окнах Кунсткамеры, крупными пятнами рассыпается во дворе Двенадцати коллегий – университета. Но за поворотом к Тучкову мосту – острый порыв ветра, глухая тень, пустота. До Пушкинского Дома – название, сохранившееся за Институтом русской литературы, – десяток шагов, и их надо пройти в тугих волнах ветра, зябкого летом, ледящего зимой. Холодок остается и в доме – в чугунных плитах вестибюля, в чинном порядке старинной мебели, тусклом поблескивании бронзы, красном дереве, кажется, помнящих Пушкина шкафов.

1824 год. Ссылка в Михайловское. После юга, оживленной, переполненной друзьями Одессы она особенно тяжела поэту. «Небо у нас сивое, а луна точно репа», – пишет он с безысходной тоской В.Ф. Вяземской. Близких друзей вокруг нет, да и нет желания их искать. «Соседей около меня мало, – замечает Пуш-

кин спустя полгода по приезде, – я знаком только с одним семейством и то вижу его довольно редко. Совершенный Онегин».

Но, как и у Онегина, над образом которого как раз в это время работает поэт, молодость брала свое. Не было рядом Ленского, зато множество захолустных да и приезжавших из столицы помещиков, которым еще предстояло войти в его произведения. За выдуманными Харликовыми, Фляновыми, Петушковыми, танцевавшими на балу у Лариных, стояли Филосовы, Рокотовы, Креницыны, живые, увиденные поэтом люди. И никаким отшельником Пушкин не стал. Письма его к матери пестрят остроумными рассказами о поездках к соседям, о местных развлечениях, о приятельских отношениях поэта со своими сверстниками. И далеко не так чужда литературных и интеллектуальных интересов была эта еще недавно совершенно незнакомая поэту среда. В Михайловском он находит настоящих, по-человечески близких ему друзей – П.А. Осипову, А.П. Керн, Е.Н. Вульф-Вревскую. Небезразличны оказались для него и другие семьи, между ними известный своим широким гостеприимством дом Креницыных.

Существовало и еще одно обстоятельство, сближавшее сосланного и находившегося под неусыпным полицейским надзором Пушкина именно с Креницыными. Один из внуков Саввы Ивановича, почти ровесник и тезка поэта, Александр, разжалованный в солдаты за крамольные и неугодные правительству стихи, тоже находился в ссылке, отбывая ее на службе в армейском полку. Пушкин мог встречаться только с его братьями и самим владельцем имения Цевлово – Николаем Саввичем, сыном черноглазого нетерпеливого юноши с портрета Головачевского.

Фамилия Креницыных и дальше мелькает в семейном архиве Пушкиных. То родители поэта заезжают к ним, иногда гостят даже по нескольку дней, а то отец Пушкина пишет его сестре: «Кстати вообрази, Ольга, стены гостеприимного Тригорского огласились песней Земфиры из «Цыган» Сашки: «Старый муж, грозный муж, режь меня, жги меня»!! Песню поют и у Осиповой, и у Креницыных, а музыку сочинил сам Вениамин Петрович (Ганнибал)».

Больше к этому пушкиноведам не добавляли ничего. Но почему? Может, контакты Пушкина с Креницыными тогда же кончились и не показались исследователям существенными? Что же, можно бы и согласиться и с этим, если бы не одна неожиданная, многими годами позже всплывшая подробность, на которую удалось натолкнуться.

Оказывается, Пушкин представил в цензуру первую часть своей «Истории Пугачева» завернутой в исписанный лист бумаги. Собственно, исписанным он не был – просто имел несколько коротких случайных пометок. Поэт не придавал им никакого значения, зато гневу Николая I, пожелавшего лично ознакомиться с пушкинским трудом, не было границ. «Что такое?» – размашисто и зло написал он рядом с именами приезжавших навещать поэта лиц. Этими лицами были Александр и Петр Креницыны.

Случайная встреча, случайное совпадение или... Нет, положительнее так быстро ставить точку на Креницыных не представлялось возможным. Надо было искать, снова и снова искать. Уже не ради героя портрета Головачевского, а ради той новой и такой увлекательной ниточки, которая тянулась от пор-

трета к жизни Пушкина. Пока трудно сказать, какие могли существовать связи между Пушкиным и Александром Креницыным, одновременно отбывавшими ссылку по политическим причинам и, как оказывается, одинаково связанными с кругами, декабристов. Писал же Пушкин после событий на Сенатской площади: «Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков». Вряд ли найдется историк, который бы при таких данных и перспективах решался отказаться от дальнейшего поиска.

«История Пугачева», переименованная по личному указанию Николая I в «Историю Пугачевского бунта», – это 1833 год. 10 февраля 1837 года Пушкина не стало. И одним из первых приходит, в квартиру на Мойке, чтобы проститься с убитым поэтом, Александр Креницын.

Спустя несколько дней глубокой ночью он провожает в последний путь тело поэта, которое царским распоряжением тайком, без последних почестей и провожатых, спешно вывозится из Петербурга на Псковщину, в село Михайловское, чтобы быть погребенным в Святогорском монастыре. А дальше – дальше начиналась самая интересная глава «Пушкин и Александр Креницын».

С Креницыным получалась удивительная история. Современники, причем современники литераторы, не скупилась на самые теплые отзывы о его таланте, а вот в печати имя Креницына почти не встречается. После немногих и явно случайных стихотворений, попавших в журналы 1820-х годов, никаких следов его публичных выступлений найти не удалось. При этом в частной переписке упорно повторяются намеки на то,

что креницынские стихи ходили обычно в списках и «не могли увидеть свет».

Среди потока литературных откликов на гибель Пушкина одни были опубликованы, другие оставались в рукописях и забылись. Судьбу последних разделили стихи, в свое время волновавшие читателей едва ли не так же сильно, как великолепные лермонтовские строки, но сочтенные цензурой еще более опасными и именно потому остававшиеся ненапечатанными. Даже спустя без малого тридцать лет, в 1865 году, журнал «Отечественные записки» не смог добиться разрешения опубликовать их полностью: слишком прямым, точным и беспощадным представлялось заключенное в них обвинение. Автором этих стихов на смерть поэта был Александр Креницын:

...О! Сколько сладостных надежд,
И дум заветных, и видений
На радость сильных и невежд
Ты в гроб унес, могучий гений!

За этим стояло многое: надежды декабристов, их несбывшиеся мечты и новые, неугасавшие планы о будущем России. Креницын хорошо понимал смысл происшедшего. Не светская ссора и пустая дуэль, а политическое убийство того, кто был давней и опасной помехой николаевскому режиму. Какие бы рамки цензуры, сыска, наказаний ни ограничивали поэта, мертвый, он становился несравнимо безопасней живого. Его гибели ждали, ее готовили, ей только радовались.

Лермонтов пишет о столкновении поэта с высшим све-

том, о непонимании окружающих и о том игрище страстей, в которое он оказался вовлеченным. Такова внешняя сторона событий, их видимость. Друга декабристов Александра Креницына она обмануть не могла. И едва ли не в первый раз в поэтических строках, посвященных пушкинской гибели, он открыто и прямо называет то, к чему стремилась вся группа передовых общественных и культурных деятелей России, которую представлял и с которой был связан Пушкин, – уничтожение крепостного права:

Рабы! Его святую тень
Не возмущайте укоризной:
Он вам готовил светлый день.
Он жил свободой и отчизной...
 Высоких мыслей властелин,
 Мицкевичу в полете равен.
 И как поэт, и гражданин
 Он был равно велик и славен...

Сравнение с Мицкевичем в 30-х годах прошлого столетия было равносильно признанию за творчеством художника самого высокого революционного накала, духа вдохновенной и самоотверженной борьбы со всем тем, что представлял собой николаевский режим, его оковы и весь гнет русского царизма. Недавнее пребывание Мицкевича в России, его дружба с декабристами Бестужевым и Рылеевым, близость с Вяземским, Погодиным, Шевыревым, Пушкиным, восторженно преклонявшимся перед его произведениями, – все было на памяти современников и тем

более Креницына. Несколькими годами раньше, откликаясь на восторги Мицкевича перед Байроном, Баратынский писал: «Поклонник униженный, восстань, восстань и помни – сам ты бог». Для Александра Креницына высокая гражданская роль Мицкевича и Пушкина была одинаковой:

Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья благоден,
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен...
 И нет его! В могиле он,
 Уж нет народного кумира...
 Поэта непробуден сон,
 Замолкла пламенная лира!

Эти строки говорили еще и о другом. Креницын достаточно хорошо и подробно знал обстоятельства жизни Пушкина и его поведение в каждом отдельном случае. И под «временщиком» и под «владыкой» он видел конкретных людей, за столкновениями с ними – конкретные события, пережитые поэтом, «кумиром народным». Слова, которыми Креницын определяет Дантеса, повсюду повторяются современниками, становятся крылатыми, хотя редко кто задумывается над именем автора:

И кто ж убийца твой? Пришлец,
Барона пажик развращенный,
Порока жалкий первенец,
Француз, продажный и презренный.

Судьба стихов Креницына – какой же бесконечно сложной и горькой она была да и осталась вплоть до наших дней! Впрочем, формально дань памяти поэта отдали еще в прошлом веке. Даже в энциклопедии Брокгауза и Ефрона ему нашлось десять строк. Поэт, еще на школьной скамье писавший эпиграммы (!). В 1820 году «за оскорбление действием корпусного гувернера» разжалован в солдаты. Через три года произведен в прапорщики, но «несмотря на все старания, мог получить отставку лишь в 1828 году». Смерть Пушкина вызвала сильное и искреннее стихотворение Креницына, напечатанное лишь в 1865 году.

Немного, зато сколько же здесь многозначительных недомолвок! Что это за «оскорбление действием», вызвавшее столь суровое наказание? Почему Креницын прилагал все старания уйти из армии и почему так долго не получал этой возможности? Наконец, оговорка о времени публикации стихов о Пушкине – и в заключение никакой оценки творчества. Полуправда сквозила между строк энциклопедической заметки.

И снова поиски, снова блуждания по архивным делам, по изданиям прошлого столетия, воспоминаниям современников, прямых потомков поэта, чтобы из отдельных подробностей можно было сложить жизнь Александра Николаевича Креницына.

Родной внук Саввы Ивановича, он был всего лишь на два года моложе Пушкина. Подобно великому поэту, начал учиться в Царскосельском лицее, но события Отечественной войны 1812 года так поразили воображение мальчика, что он оказался в Пажеском корпусе, учебном заведении, готовившем офице-

ров. Здесь он начинает писать стихи, они пользуются успехом, расходятся по рукам. Увлечение поэзией сближает Креницына с учившимся в том же корпусе Я. И. Норовым, автором нашумевшей свободолобивой трагедии «Персей», которой зачитывались в начале 1820-х годов, и будущим поэтом Евгением Баратынским. Дружба с Баратынским проходит через всю жизнь обоих, словно повторяя романтическую дружбу Саввы Креницына с так и оставшимся неизвестным Андреем Васильевым. Трогательно и верно хранит Александр Креницын ее памятки, постоянно возвращаясь к ней мыслями. Такой же сердечностью отвечает ему Баратынский.

Узнал ли друга ты? – Болезни и печали
Его со ста рели во цвете юных лет;
Уж много слабостей тебе знакомых нет,
Уж многие мечты ему чужими стали,
Рассудок тверже и верней,
Поступки, разговор скромнее,
Он осторожней стал, быть может, стал умнее,
Но верно счастьем теперь во сто крат бедней.

Не подражай ему, иди своей тропой,
Живи для радости, для дружбы, для любви,
Цветок нашел – скорей сорви!
Цветы прелестны лишь весною!

Мог ли Креницын последовать такому совету? Вряд ли. Баратынский за свое свободомыслие поплатился исключением

из корпуса, хотя предлог для этого был найден иной. Он начинает службу солдатом в глуши Финляндии. Креницына ждала та же судьба. Его широко разошедшиеся стихи «Панский бульвар», остроумно и зло высмеивавшие высокопоставленных лиц, принесли молодому стихотворцу много неприятностей. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения начальства. Появилась возможность свести счеты со слишком независимым и вольнодумным юношей. Ему припомнили и все его прежние стихи, и дружбу с Баратынским, и якобы неуважительное обращение с преподавателями. Именно это последнее и послужило формальным предлогом для исключения Креницына из корпуса с разжалованием в солдаты и отправкой в отдаленный армейский полк.

Но то, что должно было сломить молодого поэта, в конечном счете оказалось для него немалой удачей. Отличавшийся либеральными взглядами, не чуждый литературных увлечений ротный командир и встреченные здесь Креницыным братья Муравьевы помогли ему сделать следующие шаги в поэзии. Именно к этим годам и относятся те немногочисленные публикации, которые удалось разыскать в «Сыне отечества», «Славянине» и «Русском инвалиде». На своеобразное и очень искреннее дарование Креницына живо откликается А. А. Бестужев, многие другие, но до публикации произведений дело чаще всего не доходит. Каждый раз на пути оказывается цензура, которую не устраивали произведения поэта. Репутация крамольного литератора все более прочно укреплялась за Креницыным, а почти каждое новое стихотворение ее подтверждало. Складывается своеобразная традиция: стихи Креницына расходятся в рукопи-

сах, переписываются, заучиваются наизусть.

Глубоко переживший восстание декабристов, отозвавшийся на него новыми, совершенно недопустимыми, с точки зрения цензуры, стихами, Креницын действительно не может вырваться из армии, которая рассматривается начальством как форма его заключения. Как только такая возможность появилась, Креницын не замедлил ею воспользоваться. В 1828 году он выходит в отставку и поселяется в крохотном сельце Мишневе тогдашнего Великолуцкого уезда. Как раз здесь и находилась могила его деда. Мишнево – Мишино – неточность, которая помешала найти к тому же действительно слишком маленькое сельцо на старых картах Псковской губернии.

В Мишневе не было ни богатства, ни размаха, ни даже самых простых удобств других псковских поместий семьи Креницыных. Трудно теперь точно сказать, что определило выбор поэта, но несомненно здесь сыграли роль и его личные вкусы, привычка к простоте, тяга к уединению и желание создать наиболее удобные условия для литературной деятельности. Правда, Креницын с этого времени не делает попыток печатать свои произведения. Все они остаются в его столе, читаются только друзьями, которым одним и было доступно Мишнево. «Мишневский затворник», как не без горечи называл себя Креницын, очень редко выезжает в столицу. К моменту этих выездов и относятся его встречи с Пушкиным. В Мишнево свозит Креницын семейную библиотеку, семейную коллекцию портретов и картин – причина, почему полотна Мины Колокольникова и Головачевского оказались именно здесь, в таком, казалось бы, не подходящем для портретной галереи месте.

Годы добровольного уединения не меняют внутренне Креницына. Он провожает в последний путь обожаемого им Пушкина, но и находит в себе достаточно душевных сил, чтобы тремя годами позже предпринять куда более далекое путешествие в Париж – присутствовать при встрече перевозившего туда праха Наполеона. И это снова своеобразный жест политического протеста. В условиях возрождения французской монархии Бурбонов, последовавшей за ней Парижской коммуны Наполеон в представлении Креницына, как и многих людей его поколения, опять превращался в консула республики, противостоящего империи, и, во всяком случае, врага русского царизма. По возвращении из Парижа Креницын прожил еще долгих 25 лет, не расставаясь со своим любимым Мишневым. Здесь он и скончался в августе 1865 года, забытый как поэт читателями и все еще памятный цензуре, которая даже в некрологе не позволила привести полный текст его стихотворения, написанного на смерть Пушкина. ...Вялый ветер сквозь острый запах бензина, горьковатой городской пыли изредка доносит привкус осыпающихся под московским июльским солнцем роз. Безлюдно в садике, поднявшемся на высоком белокаменном цоколе над одной из старинных улиц Москвы. Пусто в прохладных залах выходящего в него особняка, ставшего пушкинским музеем. Лето. Картины, гравюры, иллюстрации, книги, бытовые предметы – очень случайные: чей-то рабочий столик, чье-то бюро, чей-то чернильный прибор, а то и вовсе вышивка. По-своему это даже интересно, как случайно заглянуть в чужое, случайно не зашторенное окно.

Но только большая правда о пушкинской эпохе заключена не в бытовых мелочах, а в судьбе и творчестве таких, как Александр Креницын, которому пока еще не нашлось места в пушкинском музее. Пройдут годы, и – почему знать! – у входа в тихий особняк появятся слова, которыми от лица литераторов декабристского круга почтил память Пушкина Креницын:

И как поэт, и гражданин
Он был равно велик и славен!

ЖЕРЕБЬЕ ЗЕМЛИ СКОЛКОВО

Особыми достоинствами эта земля в 16 верстах от Москвы не отличалась. В общем списке могла бы она числиться простым «неудобьем», но до XVI века ни для каких дел не приглянулась и потому определялась просто как государева проезжая земля, пока не решился ее выкупить дьяк Григорий Федоров Второй. Продвигался он по службе при Иване Грозном достаточно медленно, описывал город Орешек, в январе 1569 был переведен во Псков. Но сразу после вступления на престол царя Федора Иоанновича, то есть прихода к неограниченной власти Бориса Годунова, оказался дьяком в Великом Новгороде. Дела дьяка пошли настолько хорошо, что в 1585 – 1586 годах за ним уже числятся поместья в Обоненской пятине и в подмосковном Сколково, которое он тут же «обустройствает» строительством большой деревянной церкви. А перед кончиной в 1595-1596 году может вполне удовлетворить свое тщеславие и внести «по себе и своих родителях в поминовение» 30 рублей золотом в Московский кремлевский Успенский собор. Мало того, что такие деньги у дьяка нашлись, но и Успенский собор далеко не у всех принимал поминальные вклады.

Земли оказалось достаточно, что по завещанию оделить «жеребьем» Сколково трех наследников из числа племянников. «Благословил вотчиною» дядя – княгиню Авдотью Володимировну Мосальскую, внука Афанасия Ивановича Третьякова и Варвару Петровну Третьякову. Все они занимали

достаточно высокое положение на социальной лестнице, и потому в селе одновременно выросли три добротных «вотчинниковых двора».

При каждом дворе состояли дворовые – «деловые люди», зато крестьян было совсем мало: в семи дворах проживало семь человек. Три двора считались бобыльскими и четыре крестьянскими. Сколько-нибудь заметного дохода подобное владение приносить не могло. Но вот участие в государственных делах было у всей семьи немалым и прежде всего у мужа Варвары – Петра Алексеевича Третьякова.

Петр Третьяков, будучи дьяком Разрядного приказа, сразу занимает сторону Дмитрия I (Лжедмитрия?). Отправленный в Новгородский поход, он получает от «сомнительного» царя в июле 1609 года вотчину в Ростове. В качестве думного дьяка Поместного приказа он переводится в Великий Новгород. Приносит «вину» королевичу Владиславу и целует ему крест. Таково было решение Боярской думы, которая сохраняет за ним высокую должность.

Пятого сентября он оказывается в стане князя Трубецкого и отстаивавшего права на престол Марины Мнишек Заруцкого. Спустя полгода, в конце января 1612 года Петр Третьяков вместе с боярами скрепляет грамоту последних, отправленную в Ярославль и Кострому с требованием подчиниться польскому королевичу и признать Владислава русским царем.

Тем труднее себе представить, что тот же Петр Третьяков в качестве дьяка Посольского приказа оказывается в ополчении князей Минина и Пожарского. Это было в ноябре 1612 года, а летом 1613-го, уже при вступившем на престол Михаиле Ро-

манове, Петр Третьяков не только восстанавливается в чине думного дьяка Посольского приказа, но и получает весь этот ответственный приказ в свое единовластное ведение. С этого времени начинает стремительно пополняться и состояние заслуженного дьяка.

У Третьякова появляются поместья в Устюжском уезде, на Вологодчине, в Курмышском уезде Арзамаса. Его род записывается в Синодик Троице-Сергиева монастыря в числе более десяти членов семьи, и сам он кончает здесь жизнь под именем инока Павла. Инок Павел преставился в 1618 году, то есть до возвращения в Москву патриарха Филарета, который сразу же стал фактическим соправителем Михаила Романова. За его заслуги Сколково было оставлено в вотчине вдове Варваре с сыновьями Юрием и Иваном. Но для самого Сколкова эпоха Смутного времени сменилась эпохой Пушкиных, тех самых предков поэта, которыми он так гордился и о которых писал в «Моей родословной».

Кто стал бы спорить о значении Михайловского или Тригорского в творчестве Пушкина. Кстати, по-настоящему Пушкин увидит эти места только юношей. Или Болдина? Чего стоит одна проведенная здесь поэтом осень 1830 года! А ведь настоящее пушкинское детство – это Захарово. Первая деревня, которую увидел и навсегда полюбил. Первые весны и осенние листопады. Летние знойные дни и снежная зямь. Деревенская жизнь. И впервые познанное чувство свободы от беспорядочного и неприветливого родительского дома, от неблаговаливших детей лаской и любовью старших.

Положим, новодел этого поместья наконец-то появился.

Несколькими десятилетиями раньше можно было говорить о реставрации старых строений и главное – сохранении старых, с поседевшей корой, берез у воды, где, по преданию, мальчик вырезал свои первые стихотворные строки. Сегодня здесь только новодел, но ведь дело не в одном Захарове.

Пушкинское Подмосковье – такое понятие еще не прижилось, а ведь оно объединяет добрых полтора десятка деревень, рассыпанных литературных гнезд, куда постоянно ездили родители, прихватывая с собой, по существовавшему обычаю, детей.

Таганьково, где собирался круг почитателей и последователей «патриарха русской поэзии» (по выражению Н. В. Гоголя), баснописца Ивана Ивановича Дмитриева. С внуками хозяев Всеволожскими особенно подружится Пушкин. Это Никите Всеволожскому напишет Пушкин в 1824 году: «Ты помнишь Пушкина, прошедшего с тобой столько весёлых часов. Пушкина, которого ты видел и пьяного и влюблённого, но всегда верного твоим «субботам».

Семенково, где собиралась вся любительская театральная Москва. Племянник хозяина – Ф.Ф. Кокошкин стал основателем и первым директором московской казенной сцены Большого и Малого театров и успешно выступал вместе с Василием Львовичем Пушкиным, дядей поэта.

Матвейково-Сергиевское связано с именами Фонвизина и интереснейшего историка М.М. Щербатова, издавшем – благодаря поддержке Екатерины II – такие ценнейшие литературные памятники, как «Царственная книга», «Царственный летописец», «Летопись о многих мятежах», не говоря о его

собственном труде по русской истории в 15 томах.

Дворец в селе Введенском заказывает самому Н. А. Львову отец фаворитки Павла I – П. В. Лопухин. В 1797 году архитектор напишет заказчику: «Введенское Ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы строить назначаете, от удовольствия смотря на окрестности... Каково же должно быть летом? Приложу, как говорят, руки к делу, место сие выйдет, мало есть ли сказать лучшее в Подмосковье. Натура в нем все свое дело сделала, но оставила еще и для художества урок изрядный». Тем более к пушкинским местам относится Сколково.

Впервые имя Пушкиных появляется в связи со Сколковым в переписи 1646 года. Поместье к тому времени имело один вотчинников двор, церковь, двор приказчика, 10 крестьянских и три бобыльских двора, в которых проживало 24 человека мужеского пола. Владельцем значился Григорий Гаврилович Пушкин. К этому времени он прошел длинный путь по служебной лестнице. В 1616-м значился «стряпчим с платьем», через десять лет получил чин стольника, а в 1630-м году стал воеводой в Пронске. Правление царя Михаила Федоровича, без участия умершего патриарха Филарета, оказалось для Григория Пушкина более благоприятным. В 1644 году он возглавляет посольство в Польшу. Удачные результаты поездки приводят к тому, что он становится раз за разом сокольничим боярином и получает в свое ведение Оружейный, Ствольный приказ, а вслед за тем Золотую палату, Серебряную и Рейтарский приказ.

Пушкин с юности интересовался собственной родословной. В записках поэта есть такая заметка: «Имя предков моих

встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междоусобицы, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, СДЕЛАЛ ЧЕСТНО СВОЕ ДЕЛО. Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них – сокольничий Матвей Степанович – под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре Первом, сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре «противу государя» и казнен, вместе с Цыклером и Соковниным.

Поэт не коснулся только одного чрезвычайно примечательного в отношении исторического значения обстоятельства. Был Григорий Гаврилович женат на родной внучке знаменитого опричника времен Грозного Григория Грязного. В 1681 году Сколково разошлось между множеством родных Пушкиных и Грязновых. Были это: вдова Ульяна Осиповна (в девичестве Грязнова), ее брат Илья, сестра Мавра (вдова Никифора Плещеева), а также племянники – Матвей Степанович и Яков Степанович Пушкины. В 1678 же году Сколково находится в руках одного упоминаемого поэтом Матвея Степановича. Вотчина была по-настоящему богатой. Помимо добротного вотчинникова двора, она имела 18 крестьянских и бобыльских дворов – всего 74 крестьян мужеского пола.

Верно и то, что заниматься своим хозяйством у Матвея

Степановича руки не доходили. Сразу после свадьбы царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной он был произведен в окольничие, а 1675 году направлен послом в Польшу. Входящий в ближайшее окружение юного царя Федора Алексеевича, он заметно теряет исключительность своего положения при правлении царевны Софьи, которая назначает его воеводой Смоленска, а затем Киева. И, тем не менее, признать Петра и пришедшую с ним к власти группу реформаторов Матвей Пушкин не хочет. Он принимает сторону заговорщиков во время Великого Посольства молодого царя в Европу и проигрывает служебную карьеру всей своей семьи. Петр лишает его боярства, всего состояния, вотчин и ссылает в Енисейск, где он умирает в следующем же году, тогда как его сын Фёдор кончает жизнь на московской виселице.

Пушкин не забыл этих драматических событий, как не забыл (не мог забыть!) связанного с ними Сколково. Родовое пушкинское гнездо отошло в руки «Алексашки» Меншикова – еще одна форма унижения древнего и заслуженного рода. 16 октября 1830 года Пушкин напишет «Мою родословную»:

«Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!..
Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность»
И чем новее, тем знатней.

Родов дряхлеющих потомок
(И по несчастью не один)
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.
Не торговал мой дед блинами (Меншиков),
Не пел с придворными дьячками (Разумовский).
В князя не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.
... Упрямы дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им».

В канун свадьбы с Натали Гончаровой Пушкин заезжает проститься, по его собственному выражению, в Захарово, хотя поместье давно перешло в чужие руки и найти следов прошлого ему не удастся. Разве что некоторых ровесников из крестьянских детей, товарищей былых игр, которые без обиняков сокрушаются над его видом и говорят, «какой же он стал нехороший». Побывал ли он в окрестных селах и в том числе в Сколково? От его пращура там тем более ничего не должно было остаться, хотя... Хотя именно со Сколковым связана одна из интересных для историков архитектуры загадок.

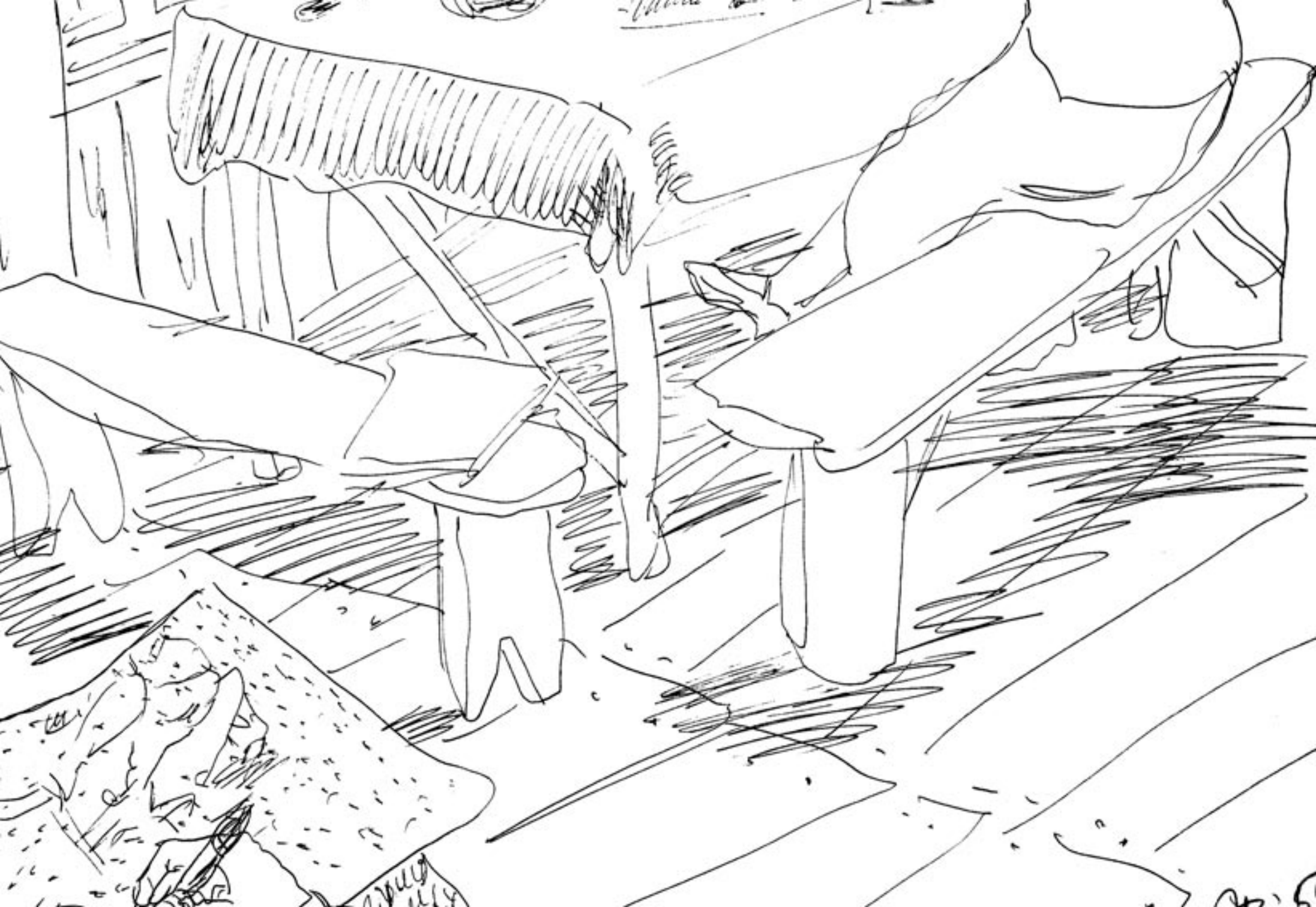
По-видимому, уничтожение достаточно могущественного рода Пушкиных даже Петр I счел нужным несколько смяг-

чить. Сколково оказывается в руках одного из незначительных представителей рода Пушкиных – Ивана Никитовича, который и перепродает поместье Меншикову от своего лица. Числился Иван Никитич владельцем поместья меньше двух лет, хозяйством, тем более перестройками «вотчиникова» двора заняться не успел. Тем самым к будущему «светлейшему князю», как будут титуловать Меншикова, перешел дом и хозяйственный ансамбль пращура поэта.

Меншиков владеет Сколковым четверть века. При его деятельном характере этого было слишком достаточно, чтобы все переделать на новомодный манер. Но вот вопрос для историков: стал ли он это делать?

Документы сохранили подробное описание дома-дворца, но только 1740-х годов, и это описание позволяет говорить о сохраненном в основных чертах дворце XVII века. Периметр фундамента составляет 20x24 сажени. Центральную часть постройки занимала большая палата на 9 окон, имевшая выход на парадное красное крыльцо. Под крыльцом размещалась баня и так называемый «подручный» погреб.

С обеих сторон к центральной палате примыкало по шести палат, каждая на 3 окна и с собственным крыльцом. Окна были застеклены. Дощатые полы прикрыты в одних покоях зеленым, в других – красным сукном, накатные потолки оштукатурены и расписаны. Роспись использовалась для отделки дверей. Их было во дворце 27, расписаны десятеро, с непременно «луженым прибором», – столов, как правило, круглых. Десять отапливавших дворец печей имели изразцовый убор. Окна, по моде XVII века, прикрывались вечерним временем красным

Am 89

войлоком. О старом обиходе говорила располагавшаяся во дворе большая поваренная изба, конюшня и едва ли не прежде всего – плодовый сад, без которого в Москве не обходился ни один городской двор. Это были непременно нескольких сортов яблоны, груши, сливы, крыжовник и все три вида смородины – одно из популярнейших лечебных средств народной медицины. Питье из красной смородины снижало жар, из черной – помогало восстановить силы после болезни, из белой – заменяло современную виагру. Никаких попыток благообразить сад на новый манер не было.

Маловероятно, чтобы Меншиков мог заняться таким объемным загородным строительством в годы Северной войны. Он построил к этому времени собственный двор в Красном селе, где поселился и сам Пётр I и его сестра – царевна Наталья. На Красном пруду спускались на воду первые срубленные в Москве корабли, был размещён Пушечный двор и Пушкарская школа. Немало времени и усилий требовал собственный московский меншиковский двор на углу Чистопрудного бульвара и Мясницкой улицы где возводилась гордость «Алексашки – церковь Архангела Гавриила, которую он вообще задумал поднять выше колокольни Ивана Великого в Кремле.

Но главное – с 1703 года официально столица России переносилась на берега Невы, а с 1734 года вообще было запрещено всякое каменное строительство в стране в виду острой нехватки строителей-каменщиков. Запрет был отменен почти одновременно с потерей Меншиковым своего положения при дворе. Остается предположить, что пользовался «Алексашка» пушкинскими палатами, в лучшем случае меняя лишь какие-то

детали интерьеров. Так сохранились остатки зеленой камки, которой были обтянуты стены одного из покоев – китайской шелковой с разводами ткани. Как и все виды иностранных тканей, её легко было приобрести в торговых рядах у Красной площади. На стенах находилось множество «печатных картин» – гравюр, которые в то время ценились подчас выше живописи. Их украшали маленькие зеркальца: в конце XVII века зеркальный завод работал на Воробьевых горах.

Существовало предположение, что Сколково Меншиков предполагал передать в приданое старшей своей дочери Марии Александровне – ее первым женихом был Сапега-младший. Но с появлением в завещании Екатерины I условия, что будущий Петр II может вступить на престол только в случае брака с одной из дочерей Меншикова, интерес к Сколкову ослабел, а с потерей «Алексашкой» влияния при дворе поместье, как особо ценное и обихожное, поступило в Дворцовое ведомство. Только через 35 лет пустовавший дворец, как и все поместье, было использовано Екатериной II, чтобы достойно отблагодарить одного из немногочисленных участников ее дворцового переворота П.Б. Пассека. И это вместе с большим денежным вознаграждением, чинами и продвижением по службе.

Собственно никаких подлинных заслуг у Пассека-младшего, как его звали в свете, не было. Настоящим заговорщиком он не был, но присоединившись к последним, продемонстрировал такую неопытность, что оказался немедленно арестован, «по подозрению», что, в свою очередь, побудило будущую императрицу поспешить с арестом Петра III и принятием присяги гвардейских полков на свое имя. Осыпанный всяческими на-

градами, П.Б. Пассек делать служебной карьеры не стремился и был, по отзыву современников, «боярствующим вельможей в неоплатных долгах». Даже четырнадцатилетнее пребывание в должности генерал-губернатора Белоруссии не помогло его сложному материальному положению. Тем не менее финансовые трудности не сказывались на дворце в Сколкове, о котором он не переставал заботиться. Те же современники утверждали, что Петр Богданович «ничем не хотел заниматься, кроме карт, лошадей, любовницы, побочного сына и губернаторского титула. Вся Москва издевалась над тем, как этот геркулесового сложения человек по два часа ежедневно проводил перед зеркалом, «устраивая» уже причесанный и завитой парикмахером парик. Затем заботы о Сколкове показались ему слишком обременительными, а долги так стремительно росли – П.Б. Пассек не нашел даже средств отстроить сгоревшую в 1765 году свою Рождественскую церковь, – что владелец всего через одиннадцать лет продал Сколково графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. В селе к этому времени было 23 двора и 120 крестьян.

Историю владельцев Сколково продолжили граф Иван Григорьевич Чернышев, приобретший имение в 1773 году, а в XIX веке – Александр Николаевич Зубов. Сегодня уже только в результате архивных изысканий можно установить, как уничтожался комплекс интереснейшей усадьбы.

Мы теряем историческую Москву каждый день все более стремительно и безвозвратно. Даже без соответствующих фиксаций (и это при нынешней-то видеотехнике), обмеров, съемок. Старательно стираются все следы лежавших в основе города градостроительных принципов, что уж говорить о каких-ни-

будь двадцать лет назад представлявшихся неприкосновенными заповедных зонах. Пентхауз сегодняшнего дня с его многомиллионными ценами, несмотря ни на какой мировой кризис абсолютно господствует над последними следами пушкинских или меншиковских дворцов (то же мне дворцы, – в представлении нынешних героев журнала «Форбс»).

Вот только никто не задумывается над тем, что уже для следующего поколения Пушкин и Меншиков СТАНУТ несопоставимыми по своей внутренней ценности с жизнью и самим существованием нынешних миллиардеров. Многомесячные очереди за билетами уже сегодня тянутся в музеи – не в Куршавели, рублевские апартаменты или гламурные усадьбы с их осом безвкусыя и художественной неграмотности.

Именно поэтому приступая к застройке (или перестройке) московских и подмосковных земель, так важно ответственно изучить их прошлое, археологам покопаться в земле, поднять доселе неизученные документы, сложить мозаику фактов и артефактов и подарить современникам знания собственной значимости и места в истории – пусть это будет всего лишь простая стелла с именами и обстоятельствами, на которую нельзя станет не ровняться нынешним поколениям. А ведь Сколково – это еще и рубеж, с которого началось наше наступление в начале декабря 1941-го, знаменитая ВАД – Военно-Автомобильная Дорога No2, с которой рванулись на Запад наши войска. Вспомнить – значит иначе действовать сегодня, иначе чувствовать свою ответственность перед сегодняшним днем.

Заокеанская Силиконовая долина? Нет, то самое место, где в стенах пушкинского дворца Петр думал разместить пере-

веденные затем в новую столицу на Неве Математические классы. Его знаменитый вывод, сделанный из поездки Великого Посольства: молодой России, чтобы сделать настоящий рывок, нужны только собственные инженеры и собственные художники, позволяющие инженерам шире и свободнее увидеть окружающий мир. Всех остальных – Петр не сомневался – ничего не стоило «и за рубежом прикупить» по сходной цене.

СОДЕРЖАНИЕ

Псковщина	13
Повесть временных лет	29
Архонтисса Россов	57
Зодчие	61
Поганкины палаты	71
Звали его Федосом	93
Курьеры, курьеры, курьеры	93
Обстоятельства смерти	96
Императрица Екатерина I	97
В тихой обители	99
Современники и потомки	103
Письма	107
Аспидная доска	111
Цена жизни - цена молчания	114
На смерть поэта	123
Жеребье земли Сколково	147

Нина Молева

ПСКОВ ВЕЛИКИЙ

Псковский государственный объединенный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник

«НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Москва 2013

Составитель-редактор
НИНА МОЛЕВА-БЕЛЮТИНА

Редактор
НАТАЛИЯ ВОРОНОВА-ТОЛСТОЛУЦКАЯ

Художественное оформление, макет и обложка
СВЯТОСЛАВ ПЛЮЩ

Издание первое.

Подписано в печать 21. 06. 2013. Формат 60 x 84 / 16

Печать офсетная. Печ. л. 38,12.

Гарнитура PetersburgС Суг.

Отпечатано в московской типографии «ГАРТ»

Тираж 100 экз. Заказ № 9989